

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 28

1965

Мария БЕЛАХОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

С Ы Н

И М Е Ю Т С Я В П Р О Д А Ж Е

альбомы и книги издательств «Изогиз»

и «Советский художник»

- ЕРМОНСКАЯ. Манизер. 1961. Цена 1 руб.
 - Маяковский в изобразительном искусстве. 1963. Цена 1 р. 12 к.
 - ОСТРОУХОВ. 1962. Цена 37 коп.
 - Петербург — Петроград — Ленинград. 1959. Цена 50 коп.
 - Русская народная скульптура из дерева. 1958. Цена 40 коп.
 - Русский лубок XVII—XIX вв. 1962. Цена 1 руб.
 - Русская живопись в музеях РСФСР, вып. 6. 1959. Цена 1 руб.
 - Русская живопись в музеях РСФСР, вып. 7. 1959. Цена 1 руб.
 - Русская живопись в музеях РСФСР, вып. 8. 1960. Цена 1 руб.
 - Русская живопись в музеях РСФСР, вып. 9. 1960. Цена 1 руб.
 - Русская живопись в музеях РСФСР, вып. 11. 1962. Цена 1 р. 50 к.
 - Русская живопись в музеях РСФСР, вып. 12. 1963. Цена 1 р. 50 к.
 - Русская живопись в музеях РСФСР, вып. 13. 1964. Цена 3 р. 04 к.
 - Русская историческая живопись. 1962. Цена 2 р. 93 к.
 - Русская пейзажная живопись. 1962. Цена 2 руб.
 - РЯБУШКИН. 1961. Цена 30 коп.
 - Советское искусство. Живопись, скульптура, графика. 1963. Цена 2 р. 90 к.
 - САЛТЫКОВ. Избранные труды. 1962. Цена 3 руб.
 - СОКОЛОВ. Лепка фигуры. 1962. Цена 25 коп.
 - Художники детской книги. 1963. Цена 3 р. 13 к.
 - ШМЕЛЬКОВ. 1963. Цена 44 коп.
 - ЯБЛОНСКАЯ. 1959. Цена 30 коп.
 - Академические рисунки, вып. 3. 1961. Цена 1 руб.
 - БАРИЩ. Рисунок в средней художественной школе. 1963. Цена 1 р. 90 к.
 - БОГДАНОВ-БЕЛЬСКИЙ. 1962. Цена 30 коп.
 - ВАТАГИН. 1961. Цена 20 коп.
 - ВЕНЕЦИАНОВ. 1962. Цена 50 коп.
 - ВЕНЕЦИАНОВ. 1963. Цена 70 коп.
 - Ф. ВАСИЛЬЕВ. 1963. Цена 36 коп.
- Приобретайте эти издания в местных книжных магазинах. Заказы также можно направлять по адресу: г. Москва, ул. Кирова, 6. Магазин № 120 Москниги, отдел «Книга-почтой». Ваш заказ будет выполнен наложенным платежом без задатка.

«СОЮЗКНИГА»

Мария БЕЛАХОВА

С Ы Н

ПОВЕСТЬ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1965

Мария БЕЛАХОВА

Мария Андреевна Белахова родилась в селе Хмелевое, Мичуринского района, Тамбовской области. Получив среднее педагогическое образование, восемь лет работала воспитательницей детского дома. По окончании Пединститута имени Ленина и аспирантуры при нем была редактором в критическом журнале, в Детгизе и впоследствии — председателем комиссии по детской литературе Союза писателей СССР.

В 1950 году вышла книга М. Белаховой «Драгоценный груз», посвященная героическому труду летчиков Гражданского воздушного флота, в 1953 году — книга для детей «Как хлеб на стол пришел». В 1960 году вышла в свет повесть М. Белаховой «Дочь» и в 1963 году — книга «Две повести», посвященная вопросам семьи, школы, воспитания.

Мария Белахова — автор рассказов, диафильмов и многих критических статей о детской литературе.

Как редактор и писательница, М. Белахова помогала создавать книги бывалых людей. С ее помощью была написана книга Героя Социалистического Труда А. С. Яковлева «Рассказы из жизни» (Детгиз, 1944 год). В литературной обработке М. Белаховой вышла книга Героя Советского Союза Д. Медведева «Это было под Ровно» (Детгиз, 1948 год).

Глава 1

Саня Рябинин считал, что ему здорово повезло в жизни. Дом на Бронной, где он живет,— в двух шагах от Пионерских прудов. Там зимой устраивается замечательный каток, а летом катание на лодках. Район красивый и совсем недалеко от Красной площади. А Пушкинская площадь совсем близко.

Школа, в которой учился Саня, в прошлом году заняла второе место в районе по успеваемости. Об этом сам директор школы, Тимофей Николаевич, сказал ребятам на комсомольском собрании.

Саня считал, что по справедливости их школа могла бы занять даже первое место. У них замечательные учителя. Где, в какой школе найдется такой учитель английского языка, как Сергей Владимирович? Его и ребята любят и сами учителя уважают. В этом году его избрали секретарем партийной организации школы. А Пелагея Антоновна, учительница математики? Попробуй не сделай у нее уроков!

Класс девятый «Б», в котором учился Саня, знаменит тем, что в нем учатся лучший диктор школьного радио, самый сильный шахматист и известный силач и штангист. Диктор — это Ванька Молчанов. Он не только диктор, он читает стихи на школьных вечерах и говорит, что будет актером. Шахматист — это Витя Пахомов, отличник, член комитета комсомола. Силач и штангист — Аркаша Иванов. Роста он небольшого, но силы необыкновенной. Пять человек возьмутся на него нападать, он всех разбрасает. У Аркаши лицо мрачное, а на самом деле он веселый и добрый.

Свое место среди одноклассников в прошлом году Саня определил довольно точно. По росту он второй от правофлангового, по возрасту восемнадцатый, по успеваемости пятый. Десятилетку Саня окончит в восемнадцать лет. Дальнейшая судьба ни ему самому, ни другим еще не ясна. Учится он хорошо и, конечно, может выдержать конкурсный экзамен в вуз. Но Саня еще не решил, идти ли сразу учиться дальше или работать.

Мать часто говорит Сане, что он должен учиться в медицинском институте и стать хирургом, как его отец.

— Володя,— так мать называет отца,— всегда говорил, что лучшей профессии нет. Большое счастье сознавать, что ты можешь избавить человека от недугов, от мучительных болезней, а иногда и от смерти.

Саня знает отца только по портретам и рассказам матери. Мать говорит, что Саня очень похож на отца, что у него такие же карие, с зеленоватым оттенком глаза, толстые губы и чуть широковатый нос. А уж фигура и походка точь-в-точь отцовские!

Мать Сани работает с дошколятами. Она хорошая, и Саня ее очень любит. Но мать часто его не понимает. Недоразумения, которые возникают между ними, Саня объясняет тем, что мать далека от новых веяний. Она человек первой половины двадцатого века, а не второй, как он.

С сестрой Ирой отношения у Сани сложные. Ира учится в десятом классе и старше его на два года. Она умеет убрать комнату, приготовить яичницу, сварить кашу, разогреть обед. Это дает ей значительные преимущества. Саня плохо все делает, а комнату убирать он вообще считает излишним, потому что порядок и чистота все равно долго не сохраняются.

Мать во всех домашних делах поддерживает Иру, и Сане часто приходится подчиняться большинству. Но что касается серьезных вопросов, то даже Ира считает, что Саня самый умный из мальчиков. Задачи, над которыми Ира проливала слезы, Саня решает моментально. А историю, которую она с трудом одолевала, он даже и не учит. О царях и полководцах Саня рассказывает, как о своих именитых знакомых. Он знает, как живут люди в разных странах, как будто сам жил там. На карте и глобусе сразу находит все страны и города. Он знает все марки машин, типы самолетов, знает ученых, летчиков, актеров, шахматистов, умеет быстро разгадывать кроссворды. Саня интересуется диковинными деревьями, зверями и птицами, которые живут в далеких странах. Словом, для Иры Саня — живая энциклопедия.

Саня хорошо рассказывает, а Ира умеет хорошо слушать и все время отзывается: «Угу, угу». Этого «угу» вполне достаточно Сане, и, не переводя дыхания, он сообщает, что наша земля покрыта двадцатью тысячами видов растений, что Буэнос-Айрес по-русски значит хороший воздух, а Монтевидео — вижу горы. С большим увлечением он рассказывает о строительстве электростанций на Волге и на Ангаре. Конечно, Саня никогда не был ни на одной стройке, но его это нисколько не смущает: есть же фотографии в газетах и журналах, есть кино.

Ире стыдно признаться брату, но она не понимала и чувствовала, что никогда не поймет того, как вообще возникает электричество. Но она все время отзывается своим «угу».

Саня часто рисовал перед Ирой картины будущей жизни, когда во всем мире установится коммунизм, не будет никаких войн. Все делают машины, а люди только кнопки нажимают. Например, идет машина по полю — сеет, пашет или убирает урожай, а человек сидит в тени, под навесом, управляет и наблюдает. Даже в квартирах будут такие комбайны — нажмет Ира кнопку, и какой-то нож очистит картофель.

Ира любила слушать брата. Санька — занятный человек! Она заливалась смехом, когда он начинал рассказывать ей о любви.

— Ты, Ирка, знаешь, как надо объясняться в любви? Не знаешь? Слушай! Надо взять листок зеленой бумаги, надуть одеколоном, нарисовать сердце и внутри сердца копье. Потом написать: «Я вас люблю» — и отправить письмо. А можно без письма. Это так. Надо стать на одно колено. Ты не знаешь, на правое или на левое? Ну, ладно, стать и сказать: «Я вас...» В этот момент на меня набрасывается соперник, и я начинаю с ним драться на шпагах. Я убиваю соперника, поворачиваюсь к девчонке и договариваю: «...люблю». Здорово!

Конечно, это он шутит. Но в вопросах любви Ира чувствует себя более сведущей. Санька еще мальчишка! Он, например, всегда отворачивается, когда в кинокартинах влюбленные целуются.

Чего Ира не могла терпеть, так это болтовни о футболистах. К сожалению, именно в этом-то Саня и был неистощим. Он, сравнивая одного вратаря с другим, помнил сотни фамилий футболистов, вел учет результатов всех матчей.

Когда Ире уже очень надоедало слушать о футболе, она затыкала пальцами уши. Саню это возмущало ужасно. Он так закипал, что иногда дело доходило до драки. Правда, Саня только махал руками, а Ира всерьез оборонялась и давала ему тумака. Мирились они быстро, свои ссоры не ставили ни во что, и если мать вмешивалась в их отношения, как правило, становясь на сторону Иры, она потом жалела об этом. Ира не хотела ее защиты, была всегда на стороне Сани и за него.

Настоящий товарищ Сани — Миша Фролов, который живет с ним в одной квартире, учится в одной школе. Это верный друг, и уж он-то не станет затыкать уши, когда идет разговор о самом интересном. Отец Миши, дядя Паша, — знатный рабочий завода, его портрет даже в газете был напечатан. Сестра Миши, Нюра, уже окончила десять классов, но в вуз не поступила. Родители очень горевали, а Нюра ничуть. Сейчас она

стала, по мнению Миши и Сани, очень фасонить: завивает волосы, красит ногти и часто ссорится с матерью.

У Фроловых две комнаты. У Рябининых одна, но зато окно выходит в маленький садик, где растет большой тополь и цветы на клумбе.

Еще в квартире живет инженер Борис Васильевич Серегин, который выписывает Большую Советскую Энциклопедию и дает Сане читать ее. Этим Саня очень дорожит и старается сохранять хорошие отношения с женой Серегина, Зинаидой Ивановной. Но это не всегда удается. Зинаида Ивановна постоянно сердится на ребят из-за Шельмы.

Шельма — маленькая собачонка, с подвижной, как у обезьянки, мордочкой, вертлявая, юркая, сообразительная и хитрая. Зинаида Ивановна зовет собаку Эммой и очень сердится, что ребята называют ее Шельмой.

Ребята очень любят Шельму, и она отвечает им полной взаимностью. Шельма встречает ребят из школы веселым лаем и всегда рада улизнуть от хозяйки и побыть в обществе веселых и жизнерадостных существ. Зинаида Ивановна сердится, когда Шельма уходит к ребятам, она возмущается, что они смаывают ее любимицу и «пичкают всякой дрянью». Шельма спрячется и выглядывает из своего убежища, ждет, когда сойдет пыл с хозяйки. А ребята в восторге от хитрости Шельмы.

Маленькую комнату около кухни занимала Мария Петровна, санитарка больницы. Несмотря на то, что Мария Петровна была грубовата и ворчлива, дети любили ее. Она рассказывала им об интересных московских происшествиях. Работая в больнице, куда привозили людей из всех районов Москвы, она узнавала от них множество необыкновенных приключений. О больных Мария Петровна старалась говорить по-научному.

— Врачи, они, конечно, членообразно изучают человека. А у меня опыт большой и глаз верный. Я, как привезут больного, сразу могу сказать, выйдет он от нас или умрет. Мне ихние анализы ни к чему!

Вообще-то Марию Петровну интересовали не больные, а катастрофы и происшествия — ограбление магазинов и сберкасс, убийства со сложными розысками, где собаки-ищейки играли главную роль. Мария Петровна так умела рассказывать об этом, будто сама была участницей или по крайней мере свидетельницей.

Если Мария Петровна рассказывала о чем-нибудь специально детям — это обычно происходило на кухне, — она считала своей обязанностью прерывать сюжетную нить рассказа педагогическими назиданиями о том, что родителей надо слушать-

ся, что курить вредно, а водка никогда к добру не приведет. Дети этих добрых советов слушать не хотели и просили:

— Ну, тетя Маня, ладно, ну, а что дальше?

Саня любил свою квартиру, и к нему все жильцы хорошо относились. У Сереевых он брал книги, у Фроловых смотрел телевизор. Мария Петровна разогревала ему обед, если дома не было матери и Иры.

Большую радость в жизни приносили Сане его мечты. А мечтал он всегда. Долгое время Саня жил мечтой о том, что сделает выдающееся изобретение. Такое, чтоб узнал весь мир. Но потом он эту мечту отложил до времени, когда разберется во всех науках, потому что самые простые опыты, с электричеством, например, ему не удавались.

Года два назад он размечтался о том, чтоб стать гроссмейстером, и сразу взялся за дело — набрал в библиотеке книги о шахматной игре, записался и начал ходить в шахматный кружок Дома пионеров. К двадцати годам Саня рассчитывал овладеть шахматами так, чтобы стать в один ряд с Ботвинником, Кересом и вообще с лучшими игроками.

Потом шахматы были заброшены, и он решил, что его истинное призвание — это работа в кино, кинооператором или режиссером. Кино — самый важный вид искусства. Оно знакомит людей с жизнью гораздо лучше, чем театр, живопись и литература. Еще бы! Кино может показать все: людей и их переживания, происшествия, природу, технику. Разве в театре можно показать войну? А в кино пожалуйста — любое сражение любой войны. Или, например, спортивные соревнования по футболу, велогонкам и другим видам спорта.

Недавно он принял твердое решение стать инженером-гидростроителем. В самом деле, разве это не чудо — заставить реку создавать электроэнергию, которая дает силу машинам, тепло и свет людям?

Саня много читал о природе, о происхождении человека, о вселенной и звездах. Он был уверен, что на других планетах есть жизнь и есть люди, пусть непохожие на земных. Его занимали мысли о том, что, умирая, человек не исчезнет, он становится чем-то иным. Он читал и раздумывал о работе человеческого мозга, о высшей нервной деятельности и решительно не соглашался с учеными в том, что у животных только инстинкт, а не разум. Со временем, когда он станет ученым, он это докажет всему миру.

Каждый раз, принимая то или иное, всегда твердое решение — стать гидростроителем, шахматистом, биологом, географом и даже философом, Саня немедленно начинал практическую подготовку к своему будущему. Он зачитывался литера-

турой, имеющей отношение к избранной профессии, и начинал учиться на пятерки по тем предметам, которые считал в данное время главными.

В мир своих мечтаний Саня ни для кого не открывал настезь дверей. Ира не могла его понять, а Миша, хотя он и был его лучшим другом, недоверчиво относился к мечтаниям Сани. Он часто говорил, что у Сани «семь пятниц на неделе». Сам Миша как решил еще в первом классе стать инженером-строителем, так ни разу не поменял своего решения. Удивительный человек!

То, что в будущем его ждет что-то необычайное, большое и хорошее, Саня ничуть не сомневался. Он все сделает для этого. Будет отлично учиться и трудиться!

В начале года Татьяна Михайловна, просматривая табель сына, радовалась — только пятерки. И, быть может, потому она охотно воспользовалась бесплатной путевкой на курорт и поехала лечиться.

Разве можно предугадать все события?

* * *

...Однажды в конце сентября директор школы привел в класс нового ученика, одетого в морскую форму.

— Разрешите представить, Игорь Дичков, — сказал директор. — Прошу любить и жаловать!

Моряк в классе! Да еще какой! Высокий, сильный, настоящий физкультурник. В профиль моряк был похож на индейца — большой прямой нос и волосы, как перья. То, что новый ученик был явно старше всех девятиклассников (ему, наверное, уже семнадцать), поняли все сразу.

Моряка посадили на одну парту с Колькой Мазиным, и всем стало как-то неловко. Кольку за одну парту с моряком?! Маленькая, тщедушная фигура Кольки рядом с новичком выглядела просто комичной, а его лицо с вытянутыми вперед губами и удивленными светлыми глазами казалось совсем детским.

В перемену Саня обратился к Мазину:

— Слушай! Садись на мою парту. А я на твое место. Ладно?

Колька вытаращил глаза:

— Что я, дурак? Он из морского училища. И вообще это мировой парень! А знаешь что? Ты садись на последнюю парту, позади нашей: все равно что вместе.

В первый же день из школы они вышли втроем — Игорь Дичков, Коля Мазин и Саня. Колька, забегай вперед, заглядывал в лицо своему новому другу, смеялся и подпрыгивал, как

ребенок. Саня смущался, боялся сказать при моряке неумное или лишнее слово. Зато Игорь, который в классе вел себя сдержанно, теперь шагал по-матросски, с развалкой, весело рассказывая своим новым друзьям о себе. Оказывается, он семь лет учился в московской школе, здесь же, по соседству.

— Потом отец устроил меня в Одесское мореходное училище. Он у меня известный моряк, капитан. Я тоже хотел стать капитаном, но здоровье подкачало.

Было необыкновенно интересно слушать человека, «видавшего виды». Оказывается, Игорь знаком даже с капитаном китобойного судна «Слава».

— Вот так я стоял, а он вот так, как Коля. Совсем рядом. Здоровенный такой, загорелый, как негр. Такой может с китом сразиться!

Игорь, Саня и Колька стали неразлучными друзьями. В классе сидели рядом, перешептывались или передавали записки друг другу. Выходили из школы вместе и по домам расходились ненадолго. Саня едва успевал перекусить, как его вызывал к телефону Игорь.

— Ну, как дела? Успел пошамать? Сколько сейчас склянок? Может, прошвырнемся? Что уроки? Потом вместе. Выходи, буду ждать на углу.

Саня тут же выходил, а возвращался слишком поздно, чтоб заняться уроками. Пока нет матери, у него полная свобода.

Игорь был неистощим на выдумки и каждый день придумывал новое развлечение — то шли посмотреть старинную картину в кинотеатре повторного фильма, то ехали на ипподром, то в парк культуры, то в центр — бродить по магазинам, рассматривать заграничные машины.

Мария Петровна стала замечать неладное.

— Ты что ж это уроки не готовишь? И куда это вы с другом таскаетесь?

— Я сделал уроки, когда вы в поликлинику ходили. И вообще не ваше дело!

— Мое! — сердилась Мария Петровна. — Мне мать поручила посмотреть за вами. Вот возьму и напишу ей письмо!

Глава 2

Татьяна Михайловна возвращалась из Сочи домой, в Москву. Поезд шел по берегу моря потихоньку, не торопясь, как будто хотел, чтобы напоследок пассажиры вдоволь налюбовались морем.

Море! Никогда не устанешь смотреть на него, никогда не на-

глядишься досыта. Никогда оно не бывает одинаковым: то тихое, зеркальное, нежно-голубое, то взволнованное, зеленое, то, и правда, черное, бурное, страшное. Однажды на рассвете Татьяна Михайловна видела море янтарным. Солнце еще не всходило, и на сине-голубом небе лишь обрисовывались силуэты гор. А море светилось, горело теплым янтарным огнем, и около берега плескалась золотистая влага. Татьяна Михайловна не могла понять, откуда этот цвет. Как жаль, что ее дети еще не видели моря!

Говорят, что когда человек возвращается домой, то первую половину пути он думает о том, что оставил позади, а вторую половину — о том, что его ждет впереди. Татьяна Михайловна даже не вспоминала Сочи и санаторий, который покинула только сегодня утром. Все ее мысли были впереди, в Москве, где остались ее дети — Саня и Ира. А то, что она видела из окна вагона, в ее мыслях связывалось с ними.

Давно уже не видно моря. Поезд мчится в ущельях гор, выискивая ровные места, ныряет в тоннели и снова выбегает на свет, открывая пассажирам чудесные картины осени в горах. Склоны гор, покрытые деревьями, разукрашены во множество цветов и оттенков — бордовых, красных, желтых и зеленых.

На маленькой станции Татьяна Михайловна увидела девочку с кулечками свежей клубники. Клубника в октябре! Обязательно надо взять хоть один пакетик. Вот обрадуются и удивятся дети!

Весело мчится поезд мимо полей, деревьев, лесов. Всюду мир и покой. Исчезли следы войны. Нет разрушенных домов и вокзалов, всюду новые, красивые и прочные здания. Хорошо, если б детям довелось прожить свой век без войны!

Мчится поезд, стучат колеса в такт музыке, которая транслируется по вагонам. Все, что близко к поезду, — все мчится в обратную сторону. А дальше леса, поля и поселки плывут вперед, вместе с поездом. Так кажется Татьяне Михайловне.

Она подолгу стоит у окна — думает, вспоминает и тревожится. Уж скорей бы Москва!

* * *

Поезд подходит к Москве. Полчаса назад она угадывалась заревом, которым вдалеке было охвачено небо. Теперь это зарево рассыпалось на тысячи отдельных огоньков. Только шесть часов вечера, а за окном уже полная темнота. Время от времени мелькают освещенные платформы пригородных станций.

Татьяна Михайловна давно собрала свои вещи, и сидела у окна вагона, вглядываясь в темноту. Чем ближе Москва, тем сильнее охватывало ее волнение и беспокойство. Как дети?

Поезд остановился. Татьяна Михайловна смотрела на платформу. Дети знают, что она приедет этим поездом, и должны встретить. Но ни Сани, ни Иры не видно. Татьяна Михайловна рассеянно попрощалась с дорожными спутниками. Когда вагон опустел, она попросила кондуктора помочь ей вынести вещи. Помимо чемодана, у нее была авоська с арбузами и ящик с сочинскими сливами.

Она стояла одна на платформе и ежилась от холода. В Сочи было двадцать градусов тепла, а здесь ее легкое, летнее пальто пронизывал холод. Густым потоком двигались пассажиры из дальних вагонов. Люди спотыкались о ее вещи и возмущались. Что она тут стала, среди дороги? Татьяна Михайловна даже не замечала этого. Где дети, что с ними? Наверное, что-то случилось...

— Мама! Mamочка! — вдруг услышала она.

Ира подбежала, обняла ее и поцеловала. А вот и Саня! Какой же он большой! Чтоб поцеловать его, матери приходится становиться на цыпочки.

— Что же вы опоздали, ребятки?

— Ой, мамочка! Это все Санька! Из-за него!

— И вовсе не из-за меня! — оправдывается Саня. — Говорили, что поедут на вокзал в половине шестого, а собрались в пять.

Татьяна Михайловна забыла все тревоги и волнения. Вот они здесь, живы-здоровы, и ничего больше ей не надо! Она пожалела, что вагонные спутники не видели, какие хорошие у нее дети.

— Здравствуйте, Татьяна Михайловна!

— Мария Петровна! И вы приехали?

— А как же! Разве можно на них положиться? Я уж Саню-то ругала. Надо ехать на вокзал, а его нет. Из-за тебя, говорю, мать будет торчать на платформе, как сирота. Так и есть!

— Да ладно, тетя Маша! Хватит уж! — перебил ее Саня. — Пошли!

Он взял авоську с арбузами в одну руку, ящик с фруктами в другую и пошел к выходу.

Дома Татьяну Михайловну ждала чисто убранная комната.

Ира сразу взяла дневник и, показывая его матери, затараторила:

— Ты, мамочка, все внимательно посмотри. За все четыре недели только одна тройка. Остальные четверки и пятерки.

Хорошо? Да? Ой, мамочка! Знаешь, как трудно в десятом! Ужас! У нас все девочки с ума сходят.

Саня небрежно протянул свой дневник. Татьяна Михайловна посмотрела на него и вдруг заметила, что скулы на его лице выперли, костюм висит, как на вешалке.

— Саня! — сказала она, глядя на него с беспокойством. — Ты очень похудел. Болен, что ли?

— Мура! Я здоров и ничуть не похудел, — отмахнулся Саня и начал перелистывать какую-то книгу.

Татьяна Михайловна услышала в его тоне что-то неискреннее, наигранное.

— Мура, мура! — вступилась в разговор Мария Петровна. — Ты скажи матери, когда спать ложился. Каждый божий день до двух часов ночи канителился.

— Ну знаете, тетя Маша! Вы не завирайтесь!

— Саня! — строго перебила его Татьяна Михайловна. — Как ты разговариваешь?

Мария Петровна обиженно ворчала:

— Бессовестный! Мать приехала, а он сразу свою хамству выставляет. Вот пойду к директору школы...

— Вы уж извините его, — сказала Татьяна Михайловна. — И давайте по-мирному — распакуем фрукты и поужинаем.

Мария Петровна махнула рукой и начала собирать на стол. Она еще днем приготовила заливного судака и салат. А Татьяна Михайловна выложила на стол сочинские сливы, арбуз и свежую, душистую клубнику.

Татьяна Михайловна сидит совсем счастливая. Приятно смотреть, как дети смакуют гостинцы! У Иры от арбуза щеки даже мокрые.

Когда Ира и Саня легли спать, Татьяна Михайловна и Мария Петровна пошли в кухню, чтоб поговорить по душам.

— С ваших детей я глаз не спускала, — сказала Мария Петровна. — Но больше ни в жизнь не возьмусь за это дело. Ира, конечно, девочка спокойная и большая стала. Ну, а Саня от рук моих отбился. Уроков дома совсем не делал. И все-то у него не путем — то к девяти шел, то к одиннадцати. Никогда нормально не пообедает, все куда-то спешит. Тут у него новый товарищ появился — Дьячков или Дичков, так он все с ним. А с Мишей чего-то раздружился. Меня совсем не слушался. Что ни скажу, все «не ваше дело».

— А вы, Мария Петровна, в школу ходили? — спросила Татьяна Михайловна.

— Была. У них там классная — молоденькая такая. «Ничего, — говорит, — мамаша, не беспокойтесь». Это она меня за мать

приняла. А я все-таки думаю, неладные у него дела. Ну, вы теперь сами разберетесь.

— Я дневник смотрела — отметки приличные. Двоек нет. Вот только похудел он очень...

— Вы, может, думаете, я плохо их кормила? Так спросите Анну Павловну или хоть Зинаиду Ивановну, как я им готовила.

— Что вы, что вы! Да я об этом и не думала.

Татьяна Михайловна снова заволновалась. В чем же дело? Двоек в дневнике Сани нет, пропусков занятий тоже. Почему же беспокоится Мария Петровна? Что случилось с сыном? Он ни разу за вечер не посмотрел прямо в глаза матери. Он что-то скрывает. Скорей бы утро. Утром она во всем разберется.

* * *

Утром Татьяна Михайловна покормила детей завтраком, проводила их в школу и решила постирать дорожные вещи. В школу нет смысла так рано идти: только в большую перемену можно поговорить с классным руководителем.

Она нагрела воду и начала в кухне стирать. Зинаида Ивановна, проводив своего мужа, пришла и уселась около Татьяны Михайловны на табуретку. Она была в цветном длинном халате.

— Ну как вы жили на курорте? — спросила она Татьяну Михайловну. — В этом году я туда не поехала, врачи сказали, что лучше в подмосковный санаторий.

Зинаиду Ивановну недаром в квартире прозвали Солисткой. Она умела говорить одна за всех. Если собеседник молчал, она сама задавала вопросы и сама на них отвечала. Так и на этот раз. Татьяна Михайловна молчала, а Зинаида Ивановна одна за двоих вела беседу:

— Я на Кавказе была после Боренькиного инфаркта. Пока Боренька болел, я страшно измучилась. Что? Лежал в больнице? Конечно, не могла же я дома создать для него условия! Я же не профессор. Но это не значит, что я отдыхала, пока он болел. Когда я уехала, с ним тут жила его мать, старушка. Вы знаете Боренькину мать? Старая и бестолковая. Но какое у нее достоинство — так это умеет шить. Ну, конечно, не моделистка. Новые платья мне шьет лучшая московская портниха. У меня ведь сложная фигура. Ну, а Боренькина мамаша по мелочам — где удлинить, где расширить. Сама я ничего не могу, у меня отвращение к иголке. Что? Стара свекровь? Ну, конечно, уже семьдесят. Но, знаете, все время что-нибудь делает, даже подрабатывает шитьем. Ну, конечно, шьет тем, кому нетрудно угодить. Смотрю я на вас, Татьяна Михайловна, какая вы ловкая. Вы

так вкусно стираете! Нет, правда. У вас хорошо мыло пенится. Я вот учу своих работниц — ни черта не понимают. Сейчас взяла новую, приходящую. через день. Так, знаете, одна мука. Я из-за домработниц все нервы свои истрепала. Я бы сама все делала, но у меня же гипертония. Сколько я лечилась, сколько ходила по врачам — ничего не помогает, ни лучше, ни хуже.

— Скучно вам без работы,— вставила слово Татьяна Михайловна.

— Конечно, скучно. А я что говорю? Будь у меня дети, тогда другое дело. Я обожаю детей, но они меня раздражают. На вас я удивляюсь. И своих у вас двое, и на работе вы с детьми. А какая благодарность вас ждет? Никакой! С детьми одни несчастья. Сколько вы своим детям сил отдали, а теперь, когда они почти выросли, вам опять огорчения. Говорят, ваш Саня учиться не хочет. Ну что вы так побледнели? Разве не знали?

Татьяна Михайловна не стала достирывать белье. Она положила его в таз, залила водой и, не слушая Зинаиду Ивановну, пошла в комнату. Скорей в школу!

* * *

В коридорах школы было пусто и тихо. Только из классов доносились громкие голоса учителей. Татьяна Михайловна поднялась на второй этаж и стала около учительской комнаты. Она решила здесь подождать классного руководителя, Клавдию Ивановну.

Клавдия Ивановна, молоденькая, белокурая девушка, первый год работала в школе. Она заметно побледнела и потускнела с сентября, когда Татьяна Михайловна впервые увидела ее.

— Здравствуйте! — сказала Татьяна Михайловна. — Я мать Сани Рябинина. Скажите, пожалуйста, как ведет себя Саня, как его дела?

Клавдия Ивановна, как видно, была чем-то озабочена и рассеянно слушала Татьяну Михайловну.

— У меня, мамаша, приемные дни по средам от трех до четырех. А сегодня суббота.

— Вы извините меня, я беспокоюсь за сына. Я в санаторий уезжала.

— А почему беспокоитесь? Рябинин мог бы, конечно, лучше учиться. Но в общем-то ничего.

— А ведет он себя хорошо?

— Как все,— неопределенно ответила Клавдия Ивановна и пожала плечами.

— А скажите, ваш ученик Дичков, с которым Саня подружился, он хороший мальчик?

— Обыкновенный.

Клавдия Ивановна явно торопилась и хотела скорее кончить разговор.

— Ну, спасибо,— сказала Татьяна Михайловна и пошла домой.

Как будто все в порядке? Но почему же все-таки Мария Петровна ее так настораживала?

Она пришла домой. Закончила стирку, отполоскала белье, повесила его в кухне и занялась уборкой. На рабочих столиках Сани и Иры порядок. У Иры все тетрадки чистые, аккуратные, а у Сани они разрисованы фантастическими физиономиями, кубиками и квадратами.

В гардеробе беспорядок. Иринины платица висят как попало. Пыльные ботинки и невымытые калоши валяются внизу гардероба. Санин костюм грязный, весь заношенный. Татьяна Михайловна ахнула. Только осенью перед началом занятий она купила ему новенький костюм, рассчитывая, что при форме хватит ему на два года. Ведь на этот костюм она целый год копила деньги. А что с ним стало?

Взволнованная, она пошла к Марии Петровне.

— Мария Петровна! Дорогая! Почему так изношен Санин костюм? Ведь он ходит-то в форме?

— В форме? Да он день через день и в школу ходил не в форме, а в костюме.

— Что? Да ведь в школу запрещено ходить без формы. Я сейчас там была, ни одного школьника без формы.

— Я Сане говорила. А он мне: «Директор в отпуску, и никто в форме не ходит!»

— Это же глупости!

— Вот теперича я во всем буду виноватая. Я так и знала. Он в иные дни с утра вовсе в школу не ходил, говорил, что учителя хворают, так это тоже я виновата?

— Ну, а вы проверили, что действительно учителей нет? Ну хоть бы Мишу спросили?

— Что я всех буду спрашивать? Миша сам все видел. Вот уж взяла я на себя мороку! Хоть у кого спросите, глаз с ваших детей не спускала, в кино ни разу не пошла, а теперь с меня спрос? Плоха, так не оставляли бы на меня. Что, у меня нервов нет? Мало у меня пережитков без ваших забот! Не жизнь, а одно дерзание!

Мария Петровна разошлась так, что Татьяна Михайловна уже не знала, как ее уговорить.

— Ну что вы, право? Я же только спросила, хочу разобраться во всем... Ну успокойтесь!

Ира пришла из школы раньше Сани. Татьяна Михайловна хотела поговорить с ней, но та вдруг заторопилась, сказала, что ей некогда, и убежала куда-то. Скоро пришел и Саня. Он страшно суетился: то рылся в портфеле, то в карманах, делая вид, что занят, озабочен.

В коридоре квартиры был общий телефон. До сих пор дети почти никогда им не пользовались. Анна Павловна и Татьяна Михайловна запрещали ребятам болтать с одноклассниками. На этот раз, как только послышался звонок, Саня побежал и взял трубку.

— Я слушаю. Да, я. Ничего. Не знаю. Возможно. Сам должен понимать. Нет. Потом. Брешешь! Я не в выгодном положении. Ну, это ты такой храбрый! Не знаю. Не могу говорить. По алгебре? Не знаю... Ты войди в мое положение. Ну, конечно! Скоро, жди. Пока!

Татьяна Михайловна слушала этот разговор и поражалась. Что за тон! И что значит «я не в выгодном положении»? Мать приехала, потому не в выгодном? Почему «не могу говорить»? Боятся при ней? Нет, надо объясниться с сыном! Она вошла в комнату и спокойным голосом спросила:

— Кто тебе звонил?

— Так, тут один,— ответил Саня.

— Из школы? Одноклассник?

— Да.

— Как его зовут?

— А какое это имеет значение?

— Ну расскажи, что это за мальчик? Как учится?

— Не знаю.

— Что не знаешь? Не знаешь, как учится твой одноклассник?

— Учится ничего...

— Саня! Почему такие односложные ответы? Ты пишешь большие сочинения, а рассказать простых вещей не можешь?

— Могу.

— Ну и расскажи.

— О чем?

— Вот о нем, кто звонил.

— Это тебе неинтересно.

— Но я же говорю, что интересно.

Саня молчит.

— Саня! Ну говори же! — чуть не плача просила Татьяна Михайловна.

Но Саня молчал. Так и не состоялся разговор матери с сыном.

Татьяна Михайловна была человеком нетерпеливым. Она всегда старалась внести ясность в создавшееся положение. Выжидать, скрытничасть, таить что-то в себе она не могла и не умела. Даже там, где очень нужна была выдержка, Татьяна Михайловна не находила в себе сил для нее. И теперь ей захотелось немедленно установить истину. Что за наваждение? Классный руководитель не знает, что ученик пропускает занятия? Не может этого быть!

Что делать? Кто скажет ей правду? Суббота, в школе теперь никого нет. Придется ждать до понедельника. Поговорить с Мишей Фроловым? Ну, конечно! Как она раньше об этом не подумала! Приехала домой, захлопоталась, мельком вчера увидела Мишу.

Татьяна Михайловна очень дорожила дружбой Сани с Мишей. Миша — хороший мальчик. Спокойный, уравновешенный, правдивый. Он хорошо учится, помогает матери по хозяйству, любит читать, любит мастерить.

Когда Саня ушел гулять, Татьяна Михайловна позвала к себе в комнату Мишу.

— Миша! Мне хочется поговорить с тобой, посоветоваться. С Саней, кажется, творится что-то неладное. Ты что-нибудь знаешь о нем?

Миша молчит.

— Я прошу тебя, не скрытничай. Я всегда тебе верила, скажи мне всю правду.

— Я не собираюсь вас обманывать, — сказал Миша и посмотрел прямо, открыто в глаза Татьяне Михайловне. — Но я не хочу и ябедничать. Где Санька? Давайте я все скажу при нем.

— Но он куда-то ушел! — чуть не плача сказала Татьяна Михайловна. — Да и зачем он нужен? Раскричится, наговорит и мне и тебе дерзостей! Он сейчас сам не свой. Я очень прошу тебя! Расскажи мне...

— Ну хорошо, — согласился Миша. — Я расскажу. Только сегодня же я и ему скажу, что говорил с вами.

Миша перевел глаза в пространство, старался сосредоточиться. Так он отвечал урок, когда его спрашивали. С таким отсутствующим взглядом и стеснительной улыбкой он всегда разговаривал о серьезных делах.

— Санька прогулял, вероятно, половину занятий.

— Что?!

— Ну, может, немного меньше. По вторникам и четвергам он, как правило, в школу не ходил. Ну и в некоторые другие дни.

— Может, ты ошибся? Тебе это показалось?

— Да он сам мне говорил, хвастался. Они с Дичковым вместе прогуливают.

— А ты пробовал уговорить его, пристыдить? Ведь вы так с ним дружили!

— Я пробовал, а он меня святошей назвал. И сказал, что ему со мной скучно. Он с Дичковым, тот стильно одевается и вообще... Санька тоже старается, перчатки черные надевает и пальцы растопыривает.

— Миша! А почему ты никому не сказал, что Саня прогуливает уроки?

— А кому говорить? Тетя Маша сама видела.

— А в школе? Ты ведь активный комсомолец, комсорг своей группы.

Миша пожал плечами и виновато улыбнулся.

— Ну, это же неудобно. Там ведь есть учителя и свои комсомольцы. Правда, у них слабая комсомольская группа.

— Миша! Как обидно, что вы с ним в разных группах! И как жаль, что порвалась ваша дружба!

Миша отвернулся к окну. А разве ему не обидно? Они с Санькой почти всю жизнь дружили. Миша и не помнит себя без Сани. Вместе на коньках учились, в пуговицы играли, вместе в школу пошли, в шахматный кружок Дома пионеров вместе ходили — везде и всегда вместе. А теперь? Подумаешь, Дичков!

* * *

Поздно вечером, когда Ира уже легла спать, Саня вернулся домой вместе с Мишей. Шельма выбежала им навстречу, но в недоумении остановилась. Никто ее не приласкал. Мальчики молча разошлись по комнатам.

Саня вошел бледный и злой. Татьяна Михайловна сразу догадалась, что у него был разговор с Мишей.

— Дать ужин? — обычным тоном спросила Татьяна Михайловна.

— Не хочу! — крикнул Саня. — И, пожалуйста, не вмешивайся в мои дела. Не допрашивай никого!

Татьяна Михайловна, гневно глядя на сына, тихо заговорила:

— Натворил бед и на мне хочешь теперь злость сорвать? Как это я не должна вмешиваться в твои дела? Я что, не мать тебе? Ты скажи, сколько занятий пропустил? Мне Миша...

— Этот паинька не такое придумает! — визгливым голосом кричал Саня. — И не вмешивайся, да! Вытирай носы своим пи-

томцам. На большее ты не способна. Подумаешь, тоже, педагог! Твоя воспитательная роль равна нулю.

Татьяна Михайловна подошла к сыну и с размаху ударила его по щеке.

— Мерзавец! Как ты смеешь!

— Но, но!—злобно глядя на мать и задыхаясь, сказал Саня.— Попробуй еще раз... вини потом себя.

Татьяна Михайловна упала на кровать и зарыдала.

— Ну вот, теперь я буду во всем виноват! — буркнул Саня.

Она плакала навзрыд. Мария Петровна заглянула в комнату, но, видно, поняла, что лучше не вмешиваться. Человек должен выплакать свою обиду.

Саня лег в постель и закрылся с головой одеялом. Ира поднялась на кровати. Ай-ай! Как рыдает мама! Санька тоже плачет? Что, стыдно стало? Дурак! Может, она тоже виновата? Все-таки старшая и, конечно, знала обо всем. Но что она могла сделать? Она говорила, но разве Санька ее слушается? А маме не хотела писать, пусть лечится. Ой, что теперь будет? Грустными мыслями Ира и себя довела до слез.

* * *

Недаром сложилась пословица «Маленькие дети спать не дают, а от больших сам не заснешь». Уснула Ира, как будто уснул и Саня, а Татьяна Михайловна лежит с открытыми глазами. Она уже не рыдает, но слезы все еще бегут из глаз, и временами она неожиданно для себя всхлипывает.

Говорят, что матери все прощают своим детям. Может быть. Но сейчас Татьяне Михайловне кажется, что она никогда не забудет и не простит сыну этой сегодняшней обиды. «Вытирай носы питомцам», «твоя воспитательная роль равна нулю»... Вспоминая эти слова, Татьяна Михайловна начинает снова рыдать.

Да как же это можно! Такую обиду нанести матери! Сын не маленький, должен понимать, что такое вырастить одинокой женщине двоих детей. В первый же день войны муж был отправлен на фронт, и она осталась одна с двумя малышами. Сане тогда было всего два месяца. И осиротели они в первый же год войны. А потом день за днем долгие годы в заботах и тревогах. Вся жизнь отдана детям. В них ее счастье и радость. И никакой иной, личной жизни!

Но разве Саня все это понимает? Нет, чтобы понять, надо многое самому пережить. Мать скорее поймет детей. Она была в их возрасте, помнит свою весну, с ее радостями и огорчениями, ошибками и увлечениями. А что Саня? Еще подросток, да-

же не юноша. А ведь известно, как трудны ребята в этом возрасте,— вспыльчивые, с болезненным самолюбием, незрелые, а хотят действовать самостоятельно, советов не слушают. И уж совсем плохо, когда подросток попадает под чье-то злое влияние...

Татьяна Михайловна начинает оправдывать Саню и укорять себя. Мальчик рос хорошим, добрым, любил ее, свою мать. Конечно, она уже давно стала задумываться и тревожиться. Растет сынок, ломается голос — то басит, то кукарекает, волосы жесткие, непослушные. И сам он становится колючим.

И чем старше сын, тем обиднее матери выслушивать грубости. Маленькому все прощается. А если это уже подросток или юноша, обида сильнее ранит, дольше помнится. Да, конечно, ей обидно, а ведь она во многом виновата. Почему уехала от детей, почему не предупредила об этом классного руководителя, директора школы, который хорошо ее знал?

И вообще, правильно ли она воспитывала своих детей? Учила других родителей, а своих детей разве не баловала? Ей хотелось, чтоб дети и без отца получили счастливое детство. Она старалась все сделать для них и за них одна — убрать, постирать, купить, сварить. Хуже делала и для них и для себя. Саня совсем не приучен к труду. Ну, и Ира могла бы больше ей помогать. Да, наверное, она многое упустила в воспитании своих детей. А ведь она в первую очередь несет за них ответ. Был бы отец...

Отец! Как он сейчас нужен! Отец, вероятно, сумел бы поговорить с сыном, как старший, как товарищ. Он нашел бы ключ к сердцу сына. Он воспитал бы сына смелым, храбрым, твердым. Саня хороший, добрый, но слабовольный, податливый. Мальчику всегда нужен отец.

Что же делать? Татьяна Михайловна чувствует себя беспомощной. Ей нужна помощь. Надо завтра пойти снова в школу, поговорить с учителями, может, даже с комсомольцами.

А может, не допускать огласки? Пока ведь ничего страшного не произошло? Может, все обойдется?

Так размышляла Татьяна Михайловна всю долгую бессонную ночь.

Глава 4

Наутро — это было воскресенье — Татьяна Михайловна поняла, что вчера в квартире все слышали ее рыдания и уже, наверное, потолковали об этом между собой. Мария Петровна заговорила с ней, как с тяжелобольным человеком, — тихо и неж-

но. Мать Миши Фролова, Анна Павловна, не очень-то добрая и щедрая по натуре, сказала:

— У вас, Татьяна Михайловна, я вижу, нет картошки. Возьмите пока у нас. Мы целый мешок купили. Картошка нынче уродилась хорошая, рассыпчатая.

— Спасибо...

Татьяна Михайловна испугалась, что может сейчас расплакаться. Сочувствие людей расслабило ее, боль и обида снова вспыхнули в ней. Мария Петровна, как видно, поняла ее состояние и начала рассказывать о недавнем происшествии в одной сберкассе:

— Стоят себе люди в очереди, кто за деньгами, кто с деньгами, а кто с облигациями. Вдруг входят двое молодых людей. Один прямо к кассирше, а другой остановился в дверях да как гаркнет: «Руки вверх!» Так. А кассирша уже успела нажать кнопку. У них, у кассиров, есть секретная кнопка — нажмет, и сразу зазвонит звонок в милиции. Жулик этого не заметил, подошел к кассе и давай по карманам деньги рассовывать. Другой, который в дверях, начал обирать людей. Вдруг милиция. Который в дверях, увидал и крикнул: «Бегим!» Оба и улизнули. Ну, потом привели собаку. Говорят, нашла через день жуликов. Они в ресторане сидели.

В кухню пришла Зинаида Ивановна.

— С добрым утром! Ужасно плохо спала. И Боренька лекарства какие-то глотал. Вероятно, что-то в атмосфере неладное. Обещают моросящие осадки. Осенью вообще трудно. Грязь, слякоть. Надо в это время уезжать куда-нибудь. Вы, Татьяна Михайловна, хорошо сделали, что поехали в Сочи осенью...

При этих словах Зинаида Ивановна взглянула на Татьяну Михайловну и ахнула:

— Что это с вами? Глаза-то как распухли! Неужели из-за сына? Напрасно вы расстраиваетесь. Теперь вся молодежь такая. Недаром в газетах пишут: плесень да плесень. До чего дети доводят! Вот вы молодая еще, а гляньте на себя в зеркало! Пятьдесят — меньше не дашь! Но, конечно, раз есть дети, не стоило уезжать на курорт.

— Да не растравляйте вы душу человеку! — перебила ее Мария Петровна. — И без вас человеку тошно!

Татьяна Михайловна взяла сковородку с разогретой кашей, чайник и пошла скорее в комнату.

Ира собирала на стол для завтрака. Саня застилал постель. Как видно, между собой они не разговаривали. Татьяна Михайловна украдкой поглядывала на Саню. Он был бледный и расстроенный.

Завтрак прошел в полном молчании. Саня съел немного и

неохотно. Потом встал и, буркнув: «Я пойду, мне надо», — ушел из дому.

Татьяна Михайловна сказала Ире:

— Вот до чего дожила! Не только не извинился за хамство, но даже не взглянул на мать.

Ира молчала, а Татьяне Михайловне хотелось, чтобы и она осудила Саню.

— Ты что ж молчишь, дочка?

— А что мне говорить? Мне тебя жалко... А Саньку тоже. — И громко, как маленькая, Ира заревела.

Татьяна Михайловна даже засмеялась:

— Ну чего ты, дурочка? Все обойдется... Вот вы какие глупые!

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала Татьяна Михайловна и очень удивилась, увидав Фролова. Отец Миши никогда не заходил к ним в комнату.

— Где Саня? — спросил Павел Иванович.

— Ушел куда-то. Он вам нужен?

— Хотел с ним поговорить. Мне Михаил рассказал все. Вот я и подумал, может, мне попробовать образумить его, посоветовать по-отцовски.

— Спасибо вам, Павел Иванович, большое спасибо за участие!

— Пожалуй, не за что благодарить, Татьяна Михайловна. Мы это дело проворонили, надо было всем нам приглядывать за вашими ребятками. Без отца ведь они растут. Вам, понятное дело, надо было полечиться. А парень-то он, Саня, башковитый, ученая голова, как и мой Михаил. Беречь их надо. Я обязательно с ним поговорю.

* * *

Саня всегда чувствовал доброе отношение Павла Ивановича Фролова к себе и к Ире. Он приглашал их к телевизору и чай-стенько, даже теперь, когда Саня и Ира стали большими, угощал конфетами наравне с Мишей. Когда Саня был маленький, Павел Иванович, если шел куда-нибудь с Мишей — в зоосад, в планетарий и даже в цирк, — обязательно брал с собой Саню.

— Нам, мужчинам, надо вместе держаться, чтобы нас женщины не обидели.

Ребята давно понимали, что Павел Иванович шутит и что на самом деле он боится, как бы не обидеть женщин. Если Мишу за что-нибудь ругала мать, Павел Иванович моргал сыну: помалкивай, мол, она пошумит, пошумит и успокоится. С таким единомышленником Миша чувствовал себя крепко и снисхо-

дительно молчал, когда мать пробираала его. Сане нравились товарищеские отношения Миши с отцом, нравился сам Павел Иванович, и он во многом старался подражать ему. Но подражать ему не так-то легко! Можно быть веселым и добрым, как Павел Иванович, но, пожалуй, совсем невозможно стать таким же умелым, как он. Недаром Павел Иванович — знатный человек своего завода.

Он положительно все умел делать: сам ремонтировал радиоприемник и телевизор и умел делать так, что во время экзаменов телевизор переставал работать. Он сам ремонтировал квартиру: шпаклевал, красил, наклеивал обои. И — что самое удивительное — он умел готовить суп, жарить котлеты и чистить картошку. Зинаида Ивановна как-то сказала Павлу Ивановичу:

— Вы удивительный муж! Таких редко встретишь. А скажите, вы не стыдитесь выполнять женскую работу?

— Это почему же я должен стыдиться? Аня ведь не стыдится выполнять мужскую работу на заводе! Вы, Зинаида Ивановна, отсталый человек, хоть и кончали гимназию. В вас пережиток прошлого живет. Когда женщина только своим домашним хозяйством занималась, как вы, например, сейчас, тогда и спрос с нее другой и отношение к ней иное. А моя Аня не хуже меня работает да еще выбрана членом месткома. Почему же она должна дома одна за всех лямку тянуть?

Слова Павла Ивановича не расходились с делами. Он во всем помогал своей жене дома и ходил в школу на родительские собрания.

Саня заволновался и испугался, когда Павел Иванович позвал его к себе. «Наверное, — подумал он, — Мишка и отцу разболтал».

— Давай потолкуем, Александр, — сказал Павел Иванович. — Что там у тебя стряслось?

Казалось бы, чего проще, взять и рассказать обо всем дяде Паше. Ведь он наверняка все поймет. Но как сознаться в плохих делах человеку, отношением которого очень дорожишь? Нет! Кому угодно, только не ему. Может, все обойдется. И он сказал Павлу Ивановичу:

— Да ничего, дядя Паша! Подумаешь, двойка! Захочу — и все исправлю.

— А что ж ты мать обижаешь? Вырастешь, поумнееешь, — сам себе этой гадости не простишь. Мать — дело святое!

— Я понимаю, — нахмурился Саня.

— И хорошо, что понимаешь. Ты брось дурака валять, возьми за дело. И мать успокой. Понял? Что она с тобой может сделать? Вот если б она работала на нашем заводе, у нее нашлись бы защитники. Знаешь, как у нас делают? Если чей

парень не учится или хулиганство какое допускает, его самого, голубчика, вызывают на завод, в местком. «А ну-ка, парень, расскажи нам о своих художествах!» Парень мнетса-мнетса, видит, люди серьезные сидят, расскажет и обещание даст. «Хорошо,— говорят,— мы тебе верим, но на всякий случай проверочку сделаем. А не сдержишь слово — прикрепим к тебе общественно воспитателя». Мы наших женщин поддерживаем. Ну а ты сам берись за ум. Даешь слово? По-честному?

Конечно, Саня дал слово. Искреннее. Но легко сказать «возьмись за ум»! Дядя Паша еще не знает, как ему плохо. Дело не в одних двойках.

* * *

В понедельник Татьяна Михайловна пришла в школу, когда шел пятый урок. На втором этаже через стеклянную дверь, которая отделяла коридор от лестничной площадки, она увидела группу школьников, толпившихся около одного класса. Когда одна девочка вышла, ее моментально окружили. Та, вся пунцовая, взволнованная, что-то рассказывала.

И вдруг Татьяна Михайловна увидела Саню. Он подошел к группе, послушал, что говорит девочка, и засеменил к ребятам, стоявшим в стороне. В руках у него была книга. Он то открывал эту книгу и наскоро читал, то захлопывал и снова разговаривал с ребятами.

Саня был выше других ростом, а вертелся, как уж, жалкий, заискивающий. Матери невольно было смотреть на него. Она распахнула дверь и вошла в коридор. Саня сразу увидел ее, но постарался это скрыть и с независимым видом зашагал по коридору.

Татьяна Михайловна обратилась к одной девочке:

— Скажи, пожалуйста, зачем здесь собрались ребята?

— Это мы по физике отметки исправляем, потому что конец четверти.

В учительской за столом сидела Клавдия Ивановна. Взглянув на Татьяну Михайловну, она продолжала писать. Татьяна Михайловна остановилась около двери, надеясь, что Клавдия Ивановна пригласит ее. Потом решительно подошла к столу и резко сказала:

— Вы же видите, что я к вам пришла. Почему так невежливы со мной?

Клавдия Ивановна вскинула на нее глаза.

— А в чем дело? Что вы на меня наскакиваете?

— А вот что. В субботу вы мне сказали, что с Саней Рябиным все благополучно. И две недели назад вы то же самое

сказали женщине, которая приходила к вам. А на самом деле у Сани двойки, которых нет в его табеле. И у него прогулы, которые в табеле тоже не отмечены. В чем дело?

Клавдия Ивановна опешила.

— Откуда вы это взяли? Почему вы так думаете?

— Зачем вы мне задаете вопросы? Возьмите классный журнал, и давайте посмотрим его отметки и пропуски занятий. Дайте мне листок бумаги и карандаш, я все это запишу.

Двойки, тройки, прогулы... В четверти будут выведены три двойки. И пропуски занятий — только за октябрь девять дней. Все дни прогулов совпадают с пропусками Дичкова.

Клавдия Ивановна начала оправдываться.

— Дичков — сердечник, у него есть справка. А почему ваш сын не давал мне табеля? Я бы ему все отметки выставила. А насчет пропусков — откуда я знала, что он врёт? Вид у него, как у туберкулезника. А почему вы, мамаша, не смотрели за ним? Я не могу за всеми уследить. Знаете, как нам трудно?

Да, Татьяна Михайловна понимала, как трудно работать классным руководителем. Не хватает времени и сил. Ведь учитель ведет в нескольких классах свой предмет. Все это так. Но если есть призвание к педагогическому труду, педагогическая совесть и ответственность, тогда не так уж это трудно. А может, и трудно, но все равно учитель свято выполняет свой долг.

Когда Саня учился в первых классах, он относился к школе, как к святыне. Молодая учительница Галина Евгеньевна четыре года поднимала ребят со ступеньки на ступеньку, воспитывая в них стремление идти все выше и выше. И малыши знали, что настоящее счастье там, на самой высокой ступени, когда они станут комбайнерами, летчиками, моряками, знатными рабочими, учеными. Ребята любили Галину Евгеньевну и верили каждому ее слову. Саня до сих пор помнит и любит свою первую учительницу. А ведь она тогда была так же молода и, может, еще моложе, чем теперь Клавдия Ивановна. Но та всю душу отдавала работе с детьми!

В пятом классе классным руководителем была Анна Павловна, учительница истории. Ее спокойный голос, доброе отношение к детям, материнская забота о них хорошо сочетались со строгостью, так необходимой в школе. И пятый, трудный класс, где впервые преподавание вели разные учителя, оставался единым, сколоченным коллективом.

В седьмом — новая классная руководительница, к счастью, очень хорошая. Это была Пелагея Антоновна, преподавательница математики, пожилая и строгая. Она никогда не кричала на ребят, не жаловалась завучу или директору, спокойно сама

разрешала все конфликты. Она умела защитить, умела и обрушиться гневом, когда всерьез сердилась. Если какой-либо учитель, недовольный классом, грозил, что расскажет Пелагее Антоновне, все затихало мгновенно, а в перемену просили:

— Не рассказывайте! Мы больше не будем!

К Пелагее Антоновне ребята с радостью несли 8 Марта большой торт. К ней обязательно приходили выпускники после экзаменов, бывало, дожидаясь ее прихода, часами сидели на лестнице около ее квартиры, распевая песни. Жильцы дома перестали даже удивляться такому паломничеству.

Вот каких воспитателей знал Саня!

А теперь вдруг Клавдия Ивановна, завитая, напояженная и такая равнодушная к судьбам...

* * *

После того, как все выяснилось, Татьяна Михайловна подумала, что Саня будет разговаривать с ней откровенно и пообещает исправить беду во второй четверти. Можно взять репетиторов, Татьяна Михайловна подработает на это сверхурочной работой. Но она ошиблась. На ее вопросы и упреки Саня отвечал односложным «да», «нет», «мура». Он отрицал теперь уже очевидные факты — прогулы занятий, говорил, что учительница физики неправильно ставила ему двойки.

Татьяна Михайловна поражалась: что стало с Саней? Его подменили. Врет, изворачивается... Какая гадость!

Перелистывая телефонную книгу, она увидела телефон Дичкова, записанный на обложке Саниной рукой. Татьяна Михайловна набрала этот телефон.

— Вас слушают, — отозвался слабый, нерешительный женский голос.

— Мне нужна мать Игоря Дичкова, — сказала Татьяна Михайловна.

— Это я.

— С вами говорит мать Сани Рябинина. Наши сыновья — одноклассники и дружат между собой.

— Здравствуйте! Я вас слушаю.

— Извините, что побеспокоила вас. Дело в том, что ваш сын по болезни часто не ходит в школу, а мой здоров и из солидарности к нему прогуливает занятия. Так я прошу вас...

— Подождите! — перебила Дичкова Татьяну Михайловну. — Вы что-то путаете. Мой сын здоров, ходит в школу и неплохо учится.

Так и есть! Татьяна Михайловна и не поверила тому, что

Дичков — «сердечник». Конечно, он обманывает свою мать, как Саня. Ну что ж поделаешь, придется все рассказать...

— Я сейчас была в школе и сама по классному журналу проверяла. Пропуски занятий наших детей совпадают. И двойки у них...

— Спасибо, что позвонили, — совсем тихим, убитым голосом сказала Дичкова. — Я сейчас пойду в школу. Мне трудно, я больна, но ничего не поделаешь. Я позвоню вам потом.

Она записала телефон. Татьяне Михайловне стало неловко: расстроила больного человека.

— Вы не торопитесь, если больны. Что уж теперь! Пусть вечером муж ходит.

И опять она сделала ошибку!

— Отец Игоря давно нас бросил.

Ой, как все нехорошо! Зачем надо было звонить Дичковой? Но Татьяна Михайловна совсем ужаснулась, когда вечером ей позвонила незнакомая женщина и сказала, что звонит по поручению Дичковой:

— Ее в «Скорой» забрали. Ходила в школу, вернулась чуть живая. Она и так-то еле дышала. Больная совсем. Она просила вас передать директору школы, чтоб он позаботился об Игоре.

* * *

Директора школы Тимофея Николаевича Татьяна Михайловна знала столько лет, сколько ее дети учились в школе. Это был человек собранный, четкий, строгий с учениками, приветливый с родителями.

Когда Татьяна Михайловна рассказала ему обо всем, он задумался на минутку, а потом решил:

— Ну что же, не будем откладывать это дело. Я сейчас позову сюда Дичкова и вашего сына. Давайте вместе поговорим с ними.

И вот они оба стоят в кабинете. Пожалуй, у них одинаковый рост, но Саня худенький, у него фигура вытянувшегося подростка, высокого не по годам. У Дичкова плотная, сложившаяся фигура юноши. Саня от волнения бледный, губы синие, глаза бегающие, испуганные, даже страдальческие. У Дичкова лицо спокойное, уверенное. Он смотрит как будто открыто, но глаза ни о чем не говорят, в них пустота. Либо человек умеет так глубоко прятать свои мысли, либо он действительно не чувствует за собой никакой вины.

Татьяна Михайловна смотрела на сына и его нового друга и не понимала: что могло объединить этих разных по возрасту

и, как видно, по характеру людей? Зачем Сане такой друг, да и зачем Игорю нужен такой мальчик, как Саня?

Директор обратился к Дичкову:

— Давай, Дичков, рассказывай. Почему прогуливали занятия, где бывали — ну, словом, объясни, как и что.

— А что объяснять? — глядя на Тимофея Николаевича все такими же пустыми глазами, спросил Дичков.

— Как что? Я же сказал тебе. Почему пропускал занятия?

— Не знаю.

— Кто же знает?

Дичков молчит. Тимофей Николаевич обращается к Сане:

— Рябинин! Ну, а ты что скажешь?

Саня тоже не отвечает. Тогда Тимофей Николаевич сам заговорил:

— Дичков! Когда тебя в сентябре привел сюда твой отец, ты что обещал нам? Помнишь? Тебя исключили из морского училища за неуспеваемость. И из московской школы не зря отец забрал. Теперь опять?

Дичков снова молчит. Молчит и Тимофей Николаевич, ждет. Эти паузы в разговоре, вероятно, были привычны директору: ему часто приходилось вести тягостные беседы. Для Татьяны Михайловны они были мучительны. Ни Дичков, ни Саня не хотели ни о чем рассказывать. Даже на такой вопрос, где проводили время, еле удалось выудить ответ. Игорь сказал «гуляли», Саня добавил:

— И в кино ходили.

— А кто тебе деньги давал на кино? — быстро спросил директор Саню.

Саня еще больше побледнел и уставился в пол. Татьяна Михайловна поняла: больше он не скажет ни слова. И действительно, сколько ни пытался Тимофей Николаевич вызвать Саню на разговор, это не удалось. Но было ясно по виду, по наворачивающимся слезам, что он тяжело переживает все эти события. А Дичков был спокоен и отвечал на вопросы малозначительными, ни о чем не говорящими фразами: «не помню», «не может быть», «я так не думал».

— Вот что, дорогие мои,— сказал выведенный из терпения директор.— Хватит тут резинку тянуть. Дайте мне письменное объяснение своих поступков. Напишите, кто и сколько пропустил уроков, где бывали в это время. Обо всем откровенно. Чтоб завтра у меня на столе лежали ваши объяснения. Утром приходите не в класс, а сначала ко мне. Опомнитесь, пока не поздно. Подумайте, где и в какой стране вы живете! Возьмитесь за ум! Мы поможем вам исправиться. Я надеюсь, что Рябинин скоро поймет и исправится. С тобой, Дичков, дело хуже.

Боюсь, доведешь себя до того, что общество вышвырнет тебя за борт. Да, скажи-ка мне адрес отца.

И тут вдруг у Дичкова появилось осмысленное выражение испуга.

— Не надо, Тимофей Николаевич, не пишите. Я исправлюсь,

— Ну вот, заговорил наконец. Ладно, неси объяснение. Ну, а как с матерью?

— Я сейчас пойду к ней в больницу.

— Ладно, иди.

Татьяна Михайловна была очень расстроена. Она не верила ни в раскаяние сына, ни тем более Дичкова. Они постараются замять эту историю, но их дружба сохранится, и Саня увязнет в ней. Она увидела беспомощность директора. Он тоже, как и она, не нашел ключа к ребятам, не вызвал их ни на малейшую откровенность,

Глава 5

Наступило праздничное утро, яркое и солнечное. Уже на рассвете — а рассветало только в семь часов — Москву огласила бодрая, веселая музыка, которую передавали через громкоговорители.

Но общая радость не всегда совпадает с личной. В маленькой семье Рябинных было грустно и тягостно. Плохо сделал один, а страдали все трое.

Татьяна Михайловна за эти дни, после приезда, осунулась, побледнела и постарела. Неприятности с Саней свели на нет весь ее отдых. Еще бы, столько огорчений! Что стоит одно родительское собрание в школе! Страшно вспомнить, как Клавдия Ивановна читала ей мораль.

— Хуже всех, — говорила она, — учились Рябинин и Дичков. Говорят, что раньше Рябинин хорошо учился. Но в этом году он остался фактически безнадзорным. Вот здесь сидит его мать. Мать Дичкова, к сожалению, не пришла. Так вот, Рябинина пыталась на меня свалить вину за прогулы сына и за его антиморальное поведение.

Она долго говорила что-то в этом роде. Татьяна Михайловна сидела молча, испивая до дна горькую чашу.

С Саней она совсем не разговаривала. Он не просил прощения за свое поведение и за оскорбления, которые нанес матери, и она не считала возможным без этого хоть в какой-то мере амнистировать его. Но тем самым она отрезала пути к сближению с ним. И так плохо, и эдак нехорошо,

Она еще раз была у директора. Ни Саня, ни Дичков не написали ему объяснений. Саня обещал принести после праздников, а Дичков не появлялся с тех пор в школе.

* * *

Состояние Сани было тоже неважным. Он вдруг остался совсем один. Дичков как в воду канул. Он два раза заходил к нему домой. Но соседка, приоткрывая немного дверь, отвечала: «Нету их никого». У кого узнать, где он?

На мать Саня был зол. Он считал ее чуть ли не главной виновницей. Зачем она пошла в школу, да еще к самому директору? Может, все прошло бы незамеченным. Ну, подумаешь, двойки! Это же не конец года. Все можно исправить. А она подняла целый скандал. Почему в табеля не записывали прогулы, почему то, почему это? «Спасибо тебе, мамочка, за заботу», — со злостью думал Саня о матери. Потом с таким же негодованием он вспоминал одноклассников. Тоже хороши! Никто не подошел к нему, не сказал, как часто бывало: «Брось, не вешай носа, чепуха все это». Правильно он считал, что в классе у него нет друзей. У него один друг — Игорь, и ради этой дружбы он готов на все. Как Игорь умеет рассказывать! Артист! Игорь — настоящий человек. С ним интересно жить. Обо всем он разговаривает свободно, смело высказывает свое собственное суждение.

Конечно, в Санином классе есть хорошие ребята, например, Витька Пахомов, Аркашка Иванов. Но Пахомов дружит с Бекетовым и к Сане относится безразлично, Аркашка пропадает на стадионе. Саню привлекает Толя Задоров. Но и с Задоровым у Сани не получилось дружбы. А так в классе скука, ничего интересного нет.

Вот хотя бы классные собрания. То утверждают план «мероприятий», которые никому не нужны, то делают отчеты о них. Недавно ввели внеклассные занятия. Все тогда подумали, что на этих занятиях они узнают что-нибудь новое, например, о том, как разыскивались пропавшие рукописи, или будут проводить интересные физические или химические опыты. Ну, словом, займутся чем-то интересным, за что не ставят ни пятерок, ни двоек. А на самом деле оказалось, что это такие же уроки. Что не успевали на уроках, проходили в часы внеклассных занятий. Ну разве это не обидно!

А политзанятия в классе, когда читают вслух газеты, как маленьким или неграмотным? Саня уже давно привык ежедневно читать газеты. Без этого и день не в день, а его заставляют сидеть и слушать чтение, как первоклассника.

С Игорем Саня чувствует себя взрослым и человеком. Правда, ему многое не нравится в Игоре. Игорь не интересуется, например, борьбой колониальных стран за свободу или борьбой рабочих против капиталистов. Ему нравятся заграничные рубашки, костюмы, модные ботинки. Сане это совсем не интересно. Не нравится Сане и то, что Игорь до сих пор не в комсомоле, не нравится и то, как он это объясняет.

— Я личность, умею думать без шпаргалок и хочу остаться свободным.

Это, конечно, он фасонит. Вероятно, его не приняли в комсомол. Не понимает Саня и отношения Игоря к девочкам. Одноклассникам он вынес приговор в первый же день:

— Ерундовские! Ни одной пикантной. Посмотрели бы вы на одесских девчат. Вот это да!

Саня и Колька Мазин сделали тогда вид, что и они не считают своих девочек «пикантными». А что значит «пикантная», не знали. Они знали, что Зоя Стехова добрая, справедливая, и правильно, что ее выбрали старостой. Знали, что Надя Шапкина — фасонистая, завивает волосы и красит ногти, что Демичева Вера — ябеда и плакса. А что такое «пикантная», не знали.

Когда они гуляли по городу, Игорь в упор смотрел на девочек, и те очень смущались. Сане при этом почему-то становилось и самому неловко.

Но если Саня кое в чем относился к Игорю критически, то все-таки не настолько, чтоб порвать с ним дружбу. Об этом он даже не помышлял и делал все, что хотел Игорь: пропускал вместе с ним занятия, гулял по Москве и восхищался его рассуждениями. Когда Колька Мазин перестал с ними бывать, «перешел в лагерь правоверных», как сказал Дичков, Саня был доволен. Он ревновал Игоря к Кольке.

Саня понимал, конечно, как будет огорчена мать его двойками и прогулами. Но он не хотел об этом думать. Если мысль о матери возникала, он старательно отгонял ее.

Теперь все раскрылось. Положим, не все, но главное. Что будет дальше? Хорошо, если б все это было во сне. Проснулся — и опять все по-старому. Но нет, все наяву.

Сегодня нет праздника. Они позавтракали молча, как немые. Ира неохотно собирается гулять, а Саня уткнулся в книгу.

Входная дверь с лестницы то и дело хлопала. Саня слышал, как уходил Мишка Фролов, Зинаида Ивановна с мужем и Шельмой. Потом отец и мать Миши.

Все празднуют, а он, Саня, никуда не пойдет. Мать спрятала его костюм и запретила выходить. Потекли злые, обидные мысли: «Подумаешь, наказали! Что я, от этого буду лучше учить-

ся? Вот назло всем не буду учиться. А если и буду учиться, то тоже им назло. Принесу в следующую четверть одни пятерки, вот так небрежно брошу дневник. Начнут целовать: «Саня, Санечка!» А я отвернусь и скажу: «Не ценили меня! А теперь вы мне не нужны». Потом, подумав, что Ира и мать все-таки будут ему нужны и после второй четверти, он решил иначе. Скажу им так: «Меня смешат ваши восторги» — или что-нибудь в этом роде.

Ира собралась и ушла. Тоже, хороша сестра! Только о себе думает. Если б мать ее наказала, разве Саня ушел бы один? Ни за что! Он обязательно уговорил бы мать. А Ирка ушла. Предательница!

* * *

Татьяна Михайловна, убирая комнату, искоса поглядывала на сына. Она ждала, что Саня сдастся, попросит костюм, даст слово учиться. Хорошо бы. Так хочется покоя, счастья, радости. Ведь у всех праздник! Но сын молчал. И тогда, чувствуя, что она не дожидется его раскаяния, взяла ключ, открыла шкаф и, вытащив вычищенный и выутюженный костюм, сказала:

— Бери, одевайся и иди куда хочешь!

Саня ничего не ответил, продолжал читать книгу. Тогда она оделась и ушла, резко хлопнув дверью. Она понимала, что с точки зрения строгой педагогики сделала ошибку. Надо было выдержать, не выпускать его сегодня. Но она не укоряла себя. Нельзя лишать человека такого праздника!

* * *

Надевая костюм, Саня думал: «Что, сдалась? Почувствовала сама, что перехватила!» Доброту матери он расценил как свою правоту.

Держась за перила и перепрыгивая через две ступеньки на третью, Саня как будто слетел вниз с четвертого этажа. Во дворе дома пусто. Конечно, все, даже малыши, на бульваре и на улице Горького. А стоит ли туда теперь идти? Войска давно прошли, а демонстрации теперь короткие — наверное, тоже скоро кончатся. Саня решил попытать счастья — зайти к Игорю, может, он сегодня дома сидит.

Игорь жил в старом двухэтажном доме на Бронной улице. Это в трех минутах ходьбы. Но только Саня завернул за угол, как увидел, что навстречу ему идет Игорь. Саня мало сказать, обрадовался, он даже заволновался. Столько дней не видел друга, да каких дней!

— Здорово! — стараясь не показать своей радости, сказал Саня.— Где ты пропадал?

— Были дела,—рассеянно глядя по сторонам, сказал Игорь.— Мать у меня заболела. В больницу часто ходил. Ну, и вообще решил не ходить в школу. Очень мне надо выслушивать нотации. А ты все претерпел? Наверное, покаяние директору написал? И, как он любит, цитату включил?

— Что я, дурак, что ли! — захорохорился Саня.— Ничего не писал.

— Ну и правильно. Я знал, что ты парень крепкий. Давай вместе на работу устраиваться. А? Я хочу на кинофабрику — пусть сначала рабочим. Там пробьюсь, заметят меня. Актером стану!

«Вот молодец! — подумал Саня с восторгом об Игоре.— Здорово придумал! Ну, конечно, его заметят. Он талант!»

И если у Сани появлялись минутами сомнения в том, что не такой уж хороший товарищ Игорь, то теперь все отлетело. Он был доволен, что судьба свела его с таким человеком. Вот здорово! Они устроятся на работу, Игорь станет актером, а Саня, ну, допустим, кинооператором. Он и раньше об этом мечтал. Актерского таланта у него нет, а оператором он сможет быть. Будет ездить по всей стране. Вот это жизнь!

Игорь увлекательно рисовал заманчивые перспективы своего будущего, когда он станет «звездой» экрана. Вдруг в самый разгар мечтаний Игорь сказал:

— Ты меня извини, мне сейчас некогда. Я тут одну девчонку поджидаю, так уж давай с тобой завтра встретимся. Я тебе позвоню.

Саня опешил. Какая девчонка может прервать их встречу? Что за чепуха? Он остановился, вытаращив глаза на Игора. Тот засмеялся:

— Что ты рот разинул? Иди погуляй один,— и, повернувшись, пошел к Пионерским прудам.

Саня стоял убитый, оскорбленный. Как можно менять друга на свидание с девчонкой? Да еще в такое ответственное для них обоих время!

Глава 6

Утром девятого ноября Татьяна Михайловна с опасением поглядывала на сына, который медленно и нехотя собирался в школу. Только за пять минут до звонка он вышел из дома. Но пошел ли он в школу? В этом Татьяна Михайловна не была уверена. Хватит ли у него благоразумия, воли и характера,

чтоб перенести трудные разговоры с учителями и товарищами, хватит ли упорства, чтоб наверстать пропущенное в занятиях, выдержит ли все это самолюбие мальчика?

О себе Татьяна Михайловна не думала. Она все выдержит, лишь бы с Саней ничего плохого больше не случилось.

На работу Татьяне Михайловне идти вечером. Хозяйством она решила меньше заниматься: ничего не случится, если вовремя не будет убрано и постирано. Главное внимание Сане. К большой перемене она пойдет в школу, поговорит с директором и учителями.

* * *

До последнего момента Саня и сам не знал, пойдет он или не пойдет в школу. После встречи с Игорем в первый день праздника он больше не видел его. Игорь куда-то запропастился. Саня никак не мог дозвониться к нему по телефону. Вопрос о работе на кинофабрике так и остался нерешенным.

В школу придется идти. Иначе житья не будет. Начнут уговаривать, стыдить, мать снова будет плакать. Надо идти!

Он прибежал в школу за полминуты до звонка. Сбросив пальто, помчался по лестнице, и, когда был на втором этаже, раздался звонок. В класс он влетел, чуть не сбив с ног учителя английского языка Сергея Владимировича.

Саня сел за свою парту, рядом с Зоей Стеховой, где сидел раньше до появления Игоря. Когда немножко отдышался, посмотрел вокруг и увидел вдруг Дичкова. Тот сидел за одной партой с Надей Шапкиной. Надя, как видно, была этим очень довольна, она улыбалась, блестя зубами и встряхивая кудряшками.

Вот так раз! Опять Саня остался с носом. То Колька Мазин, то эта вертлявая хохотушка!

Сергей Владимирович объявил, что будет диктант. Школьники зашуршали тетрадками, а затем все стихло в ожидании. На уроках Сергея Владимировича всегда был образцовый порядок. Никому и в голову не приходило пошептаться с соседом или заниматься каким-нибудь посторонним делом. Если и случалось какое-нибудь нарушение, то стоило Сергею Владимировичу посмотреть своими усталыми серыми, немного близорукими глазами на нарушителя — и порядок восстанавливался.

Прохаживаясь по рядам, Сергей Владимирович диктовал четко, не спеша. Он видел всех — тех, кто пишет спокойно, уверенно, и тех, кто косит глаза в тетрадь соседа. Но учитель никому не делает замечания, чтоб не отвлекать класс от напряженной работы. Когда кончится диктант и он соберет тетрад-

ки, тогда и вызовет к доске как раз тех, кто знал хуже и как раз по самым трудным для них словам и правилам грамматики. От такого не укроешься!

На этот раз он вызвал к доске Игоря Дичкова. Сергей Владимирович, по мнению ребят, был учителем справедливым, относился ко всем ребятам равно. Но Игоря Дичкова он не любил — это было для всех очевидно. Сергей Владимирович продиктовал ему предложение и велел написать на доске, а сам тем временем проверил его тетрадку.

— Написал? Так. Прошу перевести.

Игорь молчит, с надеждой поглядывая на ребят. Сергей Владимирович замечает:

— Торопись! Иначе я подскажу, поставлю пятерку, и мы честно разделим ее пополам.

В классе смешки, шумок, сквозь который Дичков старается уловить подсказанные слова. Но Сергей Владимирович слышит их раньше и лучше.

— Мазин! Не вводи товарища в заблуждение. Вот Задоров говорит правильно. Но я спрашивал Дичкова, а не Задорова.

Сергей Владимирович сам переводит фразу, а Дичкова просит обдумать и дать разбор написанного на доске предложения. Пока Дичков размышляет, Сергей Владимирович задает новый вопрос, обращаясь ко всему классу. Кого он спросит, неизвестно. Поэтому все внимательны. Минуту спустя Сергей Владимирович ставит новый вопрос. В таком темпе проходит весь урок.

— Ну, как у тебя дела, Дичков? Можешь отвечать?

Но Дичков молчит. После тягостной паузы Сергей Владимирович подводит резюме:

— На первый вопрос правильно ответил Задоров. Мы ему за это благодарны. А ты и на второй ничего не ответил. И мы скорбим, тем более что в диктанте пять ошибок. Прошу табель!

* * *

В перемену Саня обычно гулял с Игорем. И сейчас, выходя из класса, он надеялся, что тот выйдет вслед за ним. Но дойдя до двери, он оглянулся и увидел, что Игорь сидит с Надькой. Они весело разговаривали и оба что-то старательно жевали. Всю перемену Саня, тоскливый и обиженный, простоял один около окна. Когда он вернулся в класс, Игорь с Надькой по-прежнему жевали и смеялись. «Что такое они жрут, что никак проглотить не могут?» — со злостью думал Саня.

На большой перемене Игорь вышел из класса вместе с

Шапкиной, и снова они, гуляя по коридору, что-то жевали. Саня с ненавистью смотрел на них.

— Что ты такой скучный? — спросила его Зоя Стехова.

Саня пожал плечами.

— Ничего, обыкновенный.

Он взглянул на Зою и впервые увидел, какие у нее голубые-голубые глаза. «Она, наверное, очень добрая», — подумал Саня. А Зоя вдруг сказала ему:

— Ты что, перестал в адъютантах ходить?

— В каких это адъютантах?

— У Дичкова. Ты ведь его адъютантом, тенью его стал. У тебя даже походка теперь такая же вихлястая, как у него.

— Ну, ты! — обозлился Саня. — Думаешь, девочка, так тебе все можно?

— А ты не грозись. Я тебя не боюсь. Мне только жалко тебя. Ты хороший был. А теперь и на комитет тебя вызывают и, наверное, на педсовет.

Саня вдруг весь покраснел. Потом краска медленно сошла с лица, и он стал бледнее прежнего. Ах! Будь она проклята, жизнь! Ну зачем он на свет родился? Что такого он сделал, чтоб на комитет? Дудки! Он не пойдет. Где этот гад Дичков? Втянул его в историю, а сам с Надькой развлекается.

Саня решительно вышел в коридор. Игорь стоял один и, как видно, ждал его.

— Ты чего там с Зойкой говорил? — спросил он, глядя на Саню беспокойными глазами.

— Грозится комитетом и педсоветом!

— Ты с ней не порти отношения, — сказал тихо Дичков. — Все-таки она староста класса. Пригодится.

Саня вскипел вдруг:

— Чего ты меня все учишь! Не буду я ни перед кем подлизываться! Что я такого сделал?

Саня зло посмотрел на Дичкова. Тот опять что-то жевал. Саня спросил:

— Чего ты все жуешь?

— Хочешь дам? Жевательная резинка. Американская. Мне подарили.

Он дал Сане кусочек резинки. Тот взял в рот и сморщился от отвращения.

— Фу, гадость! — И выплюнул.

— Ни черта ты не понимаешь. — Игорь нагнулся, поднял с пола резинку, вытер ее о штанину и положил в карман,

— После уроков жди меня у входа. Поговорим,

Начался урок литературы. Клавдия Ивановна вошла в класс сердитая. Она бросила журнал на стол и, нахмурившись, села на свое место, выжидая, когда класс затихнет. Стало ясно, что своего дурного настроения она не хочет скрывать, наоборот, все делает для того, чтобы ребята видели, как она расстроена. И они сразу это поняли и ждали, когда Клавдия Ивановна раскроет им причину этого настроения. Ждать долго не пришлось. Отметив в журнале отсутствующих, Клавдия Ивановна сказала:

— Очень рада, что Рябинин и Дичков в классе. Просто осчастливили! Может, совесть заговорила, что из-за вас страдают честные люди. Они, видите ли, хотят бездельничать, а классный руководитель пусть отвечает.

Ну вот, теперь все ясно. Значит, Клавдии Ивановне нагорело от директора за то, что не выставляла в таблице отметок и не требовала справок с тех, кто пропускал занятия. Все поглядывали на бледного, взволнованного Саню и на Дичкова.

— Мы сегодня на классном собрании обсудим поведение Рябинина и Дичкова,— заключила свою речь Клавдия Ивановна.

Не меняя выражения лица, тем же недовольным, брюзжащим тоном она начала занятия.

— Переходим к изучению творчества известного русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Тургенев родился в городе Орле 28 октября 1818 года. Родители Тургенева были...

В прошлом году литературу вел Анатолий Петрович, тоже молодой учитель. Но как интересны были его уроки! Он увлекательно рассказывал им о литературе, о писателях, верил в способность ребят все понимать и размышлять. Анатолий Петрович ценил, когда кто-то из школьников высказывал свое собственное мнение, свои мысли и раздумья. Он создал в школе литературный кружок, где ребята спорили, дискутировали, читали свои стихи и рассказы. А что сейчас?

Клавдия Ивановна заученно говорит то, что написано в учебнике. Главное внимание уделяется «помещичьему быту», в котором рос писатель, датам его жизни и датам выхода в свет тех или иных книг. Как будто заполнялась подробная анкета. Так же рассматривались и герои произведений. И на писателей и на героев наклеивались четкие ярлыки «положительного» и «отрицательного», «демократического» и «реакционного». Временами Клавдия Ивановна прерывала свой рассказ замечаниями: «Прекратите болтовню!» или «Я тебя выведу из класса», Но угрозы не действовали. Ребята перешептывались, писали друг другу записки, а кто сидел спокойно, у того мысли были далеки от «помещичьего быта»,

Прошлый год ребята были моложе, а усваивали больше и лучше. Сейчас они знают, к какому классу писатель принадлежит, какие идеи проповедует, а самих произведений не читают. За что они могут любить писателей, которых «учат»?

Отметки Клавдия Ивановна ставила не за усвоение темы и понимание художественного замысла произведения, а за дословный пересказ учебника и за заученные цитаты. Если кто-нибудь пытался выйти за рамки учебника, она обрывала:

— Не философствуй. Усвой то, что полагается по программе, а большего от тебя не требуется.

А как Клавдия Ивановна увязывала теорию с практикой! При изучении Островского был затронут вопрос о патриотизме.

— Что такое патриотизм? — спросила Клавдия Ивановна Толью Задорова.

— Это значит любить Родину, все для нее делать, может, даже жизнь отдать.

— А если жизнь не нужна?

— Ну... учиться хорошо...

— Мало!

— Стать культурным, образованным.

— А еще? А ты чем полезен?

— Пока ничем.

— Хорошо, что сознаешь! — Обращаясь к классу, Клавдия Ивановна с пафосом произносит: — Патриотизм, это когда интересы народа выше личных.

Но ведь и Задоров правильно отвечал. Почему она его так?

Ребята не любили и не уважали Клавдию Ивановну. Она это чувствовала и понимала. Но чем она хотела расположить к себе школьников? Предлагала устроиться в ее комнате классную вечеринку. Ребята отказались. Однажды принесла в класс конфеты.

— Это будет премия за хороший ответ.

Конечно, и от конфет все отказались. Кто кого воспитывает?

Ребята второй половины двадцатого века, с детства читавшие книги, специально для них изданные, слушавшие радио, смотревшие телевизор, ребята развитые, умные, каких не было ни в одну предыдущую эпоху, такие ребята чувствовали не только неудовлетворенность, но и неловкость за своего учителя.

Саня сидел на уроке недовольный и этой скучной лекцией и разговором с Игорем, взволнованный тем, что ему сказала Зоя Стехова, и обозленный уколами Клавдии Ивановны. Может, убежать из дому? На стройку, на целину, куда угодно. А что, если в самом деле?

Увлеченный новой идеей, Саня подошел в перемену к Игорю,

— Пойдем, надо поговорить,

Игорь выразительно взглянул на Шапкину: «Что поделаешь, пристаешь».

Как только они вышли из класса, Саня радостно и взволнованно сказал:

— Поедем на целину! Давай им докажем!

Игорь посмотрел на него насмешливо.

— Чего я там забыл? Ищи другого дурака.

— Не хочешь? — злобно спросил Саня, сжав кулаки. — Ладно!

Почувствовав прилив того гнева, с которым трудно справиться, Саня резко повернулся и ушел от Дичкова. Он хотел сразу же уйти из школы, но вдруг увидел, что по коридору идет мать. «Ну что ей тут нужно?» — подумал он раздраженно и вернулся в класс.

Глава 7

Классное собрание проводилось после пятого урока. Саня был уверен, что Дичков не останется, но Игорь сидел на своем месте. Саня тоже решил остаться. А чего ему бояться? Подумаешь, судьи! Если будут ругать, он, Саня, прямо им скажет: «Что хочу, то и делаю. Не хочу учиться! Поеду на целину. Какое ваше дело?»

Клавдия Ивановна рассказывала классу, сколько дней и часов прогуляли он и Игорь, сколько двоек они получили, возмущалась их ленью, лживостью и закончила так:

— По-моему, Рябинина и Дичкова вполне можно назвать вредителями и тунеядцами. В самом деле, государство расходует на них большие средства, а они не учатся. Разве это не вредительство? Родители их кормят, одевают, обувают, а какой толк из них получится? Сейчас они и у нас отнимают время, мы должны их воспитывать. Вот так. Прошу высказываться.

В классе гробовое молчание. Клавдия Ивановна любила громкие фразы, и обычно ее словам никто не придавал большого значения, но «вредители»? Это уж слишком!

— Ну, что ж вы молчите? Надо высказываться! — снова призвала Клавдия Ивановна.

— А зачем высказываться? — сказал Коля Мазин. — Они больше не будут. Правда, ребята?

И так это было наивно, по-детски искренне и так шло вразрез с тяжелым обвинением Клавдии Ивановны, что все расходотались. Ну и чудак этот Колька!

Когда ребята поуспокоились, худенькая девочка по фамилии Каблукова сказала с места неофициально:

— Ты, Колька, молчи лучше. Сам, небось, с ними прогуливал.

— А ты видела? — подскочил к ней Мазин. — Да, видела? А ну докажи, каблучок французский!

И опять все рассмеялись.

— Товарищи! — громко заговорила Клавдия Ивановна. — Нельзя так! Вы уже не дети. Мы должны осудить поведение Рябинина и Дичкова.

Тут подняла руку Зоя Стехова, и все приутихли. Зоя что-нибудь дельное скажет.

— Конечно, и Рябинин и Дичков виноваты. Мне кажется, они это сами понимают. И я, как староста, тоже виновата. Я знала, что они прогуливают, и молчала. Не хотела быть ябедой. Только мне кажется, что Рябинина и Дичкова нельзя равнять. Дичков плохо влияет на Саню. Санька хороший, но бесхарактерный. А вы, Клавдия Ивановна, больше почему-то на него нападаете. По-моему, Дичкова надо перевести в другой класс. В наказание, и чтоб их с Рябининым разъединить. А еще мне хочется спросить у Дичкова, откуда он достал жевательную резинку?

Надя Шапкина трянула кудряшками и прямо с места затараторила:

— Рябинин не маленький! Подумаешь, Дичков на него плохо влияет. Каждый за себя пусть отвечает. А резинка тут ни при чем. Нечего цепляться к человеку.

После этого подняли руки сразу несколько человек. Но Аркаша не стал ждать, когда ему предоставят слово, встал и широкой развалкой подошел к столу.

— Вопрос ясен, — забасил он, — ребята, конечно, сдурили. Ну ошиблись, что ли. Только вы, Клавдия Ивановна, зря их так обижаете. Какие ж они вредители? Это мы все тогда вредители. А Санька, он, по-моему, академиком будет... Нет, ну чего вы смеетесь? Может, не академик, но, в общем, хороший человек.

— Ну, знаешь, — перебила его Клавдия Ивановна, — ты, Иванов, совсем заговорился. Академик! Какая главная обязанность школьника? Учиться, учиться и учиться. А твой Рябинин не выполняет этой обязанности. Может, они не вредители, но уж, конечно, не патриоты. Если они не выполняют простых обязанностей, то чего ждать от них в серьезный для Родины момент? Я предлагаю осудить их поведение и вопрос о них перенести на решение педсовета.

— А зачем педсовет? — возразил Аркаша, который продолжал стоять около стола. — Мы сами все решим. Только вот насчет американской жвачки ты, Шапкина, зря замазываешь. Ну-ка, Дичков, скажи, откуда у тебя эта резинка?

— Ну подарили мне!— визгливо крикнул Игорь.— Какое твое дело!

Тут поднялся такой шум, что невозможно было ничего разобрать. Аркаша подошел к Игорю и, махая кулачищами, явно угрожал ему. Шапкина что-то кричала Стеховой. Все шумели, все обсуждали.

— Тише вы, тише! Что за безобразие! — старалась всех перекричать Клавдия Ивановна.—Я расскажу все директору, пусть он решает.

И так как никто ее не слышал, она еще громче крикнула:

— Собрание считаю закрытым!

* * *

Ребята защищали Саню, но он ушел с собрания мрачный и подавленный. Даже Игоря не стал ждать.

Клавдия Ивановна, как видно, не обратила внимания на разговор о жевательной резинке. А он, Саня, и на собрании и теперь думает только об этом. Ему кажется, что и двойки и прогулы — все это пустяки по сравнению с тем, что знает он и чего не знают еще ребята.

Когда Саня спросил Игоря, откуда он достал жевательную резинку, он не придал никакого значения его ответу. Но когда об этом говорила на собрании Зоя Стехова, а потом и Аркашка, Саня понял, что это не пустяк.

...Они часто ходили с Игорем по улице Горького и всегда останавливались около новых зарубежных машин. Разноцветные, необычной формы, они даже у Сани, который вообще не очень интересовался машинами, вызывали восхищение. Он смотрел на них, как на хорошие игрушки. Когда около машины появлялся хозяин, какой-нибудь иностранец, публика, рассматривающая машину, скромно отступала. Но Игорю всегда хотелось выразить свое восхищение. Он хлопал ладонью по машине и говорил:

— Машина ол райт! Гуд!

Саня сказал однажды Игорю:

— Ну чего ты распинаешься? Гуд, ол райт! Еще подумают, что у нас ничего хорошего нет. И вообще...

— А что «вообще»? Почему не поговорить? Распинаешься! У нас-то таких машин нет?

— Ну, легковых нет. А кое-что посерьезнее и поважнее есть. Ты читал в «Знание — сила»?..

— Ладно, не агитируй! А почему нельзя поговорить с иностранцем?

Конечно, почему не поговорить? Но Игорь навязывался, под-

халимничал. Это было противно, а сказать об этом в глаза Игорю Саня не решался.

Однажды они увидели около телеграфа машину с черным низом и ярко-желтым верхом. Около нее стояло несколько любителей. Когда подошел хозяин, высокий человек в спортивном костюме серого цвета, с беретом на голове, он, как видно, был доволен, что его машина обратила на себя внимание.

— Американская, — сказал он, показывая на машину.

Игорь угодливо сказал:

— Машина ол райт! Карашо!

Так как другие не выражали желания вступать в разговор, иностранец с веселой улыбкой обратился к Игорю:

— Вы есть студент?

— Да, да, — охотно соврал Игорь.

— Как жаль, что у меня нет сувенир. Приходите завтра сюда же, я буду дарить сувенир.

Игорь обрадованно сказал:

— Приду, обязательно приду!

Когда они остались одни, Саня спросил:

— Ты что, серьезно? Неужели пойдешь?

— А ты испугался? Ну и пойду, что такого? — Но потом Игорь добавил: — Очень мне нужны их сувениры! Плевать я хотел. Конечно, не пойду.

Саня поверил Игорю и больше не вспоминал этого разговора. Но теперь, когда появилась жевательная резинка, Саня подумал, что этот «сувенир» получен Игорем от хозяина той красивой машины. Значит, Игорь обманул его, он встречался с иностранцем. Зачем это Игорю? Подумаешь, резинка, что в ней хорошего нашли американцы? Невкусная совсем.

Вообще противно, что Игорь постоянно восхищается всем иностранным: легковыми машинами, кинокартинами, костюмами, галстуками, даже носками — и ничего не видит хорошего даже в Москве. Ну что это за человек?

А зачем иностранец назначил свидание Игорю? Почему ему хотелось дать «сувенир»? Может, этот иностранец вербует шпионов?

От этой мысли у Сани забилося сердце и пересохло во рту. Ведь и он бывал вместе с Игорем, вдруг и его обвинят? Поди докажи, что ни в чем не виноват. Придут ночью в квартиру и арестуют. Разве мало бывало ошибок!

Нет! Это, конечно, ерунда. Теперь так не бывает. Людей напрасно не сажают в тюрьму, да и ни в чем он не виноват.

Не виноват? А зачем он, комсомолец, волочился с Игорем по городу вместо того, чтобы сидеть в классе? Почему слушался

его во всем, восхищался удалыми рассуждениями и не очень-то хорошими, прямо сказать, скверными поступками! Почему, когда столкнулись те две машины, почему он убежал вместе с Игорем, а не остался на месте и не рассказал правды?

...Они шли по Садовой. Игорь вдруг сказал:

— Хочешь, я сейчас разыграю какого-нибудь водителя? Умрем со смеху!

— Это как же? — удивился Саня.

Машины шли по улице в несколько рядов. Увидав за рулем «Москвича» пожилого человека, как видно, любителя, Игорь, сделав испуганное лицо, показал ему на колесо машины и крикнул: «Спустило!» Водитель резко затормозил. Шедшая позади грузовая машина не сумела повернуть в сторону и стукнула «Москвича» так, что он покатился вперед. Раздался свисток милиционера, машины сразу окружил народ, а Игорь побежал вперед и свернул на Бронную. Саня, конечно, за ним. И когда они были далеко от места происшествия, Игорь сказал:

— Ты смотри, никому ни слова! За это может влететь. Старый дурак этот водитель. Разве я думал, что он так затормозит? Ну, да ведь ничего страшного не случилось! Ты чего молчишь?

Игорь подозрительно и зло посмотрел на расстроенного Саню. И опять сказать бы Игорю, что он хулиган. Но Саня трусливо промолчал. А ведь он не знает, что случилось с теми машинами! Может, там кто-то был ранен, может, напрасно кого-то обвинили? Так все это скверно, что не хочется вспоминать!

Кому бы рассказать обо всем? С кем поделиться, с кем посоветоваться? Может, с дядей Пашей? Саня жалеет, что не рассказал ему ничего, что обманул хорошего человека. А если рассказать директору, Тимофею Николаевичу? Нет, об этом можно только по душам разговаривать. Вот если Мише Фролову, старому другу? Ну хорошо, расскажет, а толк какой? С Витькой Пахомовым поговорить? Он член комитета комсомола. Нет. Витька сразу поставит вопрос на комитете.

О том, чтобы посоветоваться с матерью, Саня и мысли не допускал. Она перепугается, начнет его упрекать.

Не с кем поделиться, не с кем посоветоваться!

Глава 8

Комитет комсомола заседал по четвергам. В этот первый после праздника четверг вызвали всех двоечников девярых и десятых классов. Комсомольцев, получивших за четверть хоть бы по одной двойке, набралось немало.

В пионерской комнате за большим, длинным столом сидели члены комитета комсомола: четыре девочки с белыми капроновыми бантами в волосах и три мальчика. Один из них — Витя Пахомов. Секретарь комитета комсомола бледнолицая Сенина заняла председательское место. Рядом с ней стоял свободный стул. Обычно здесь сидел Илья Львович, преподаватель географии, которому было поручено оказывать помощь в работе комсомольской организации. Но Илья Львович заболел. Вместо него обещал прийти Иван Кузьмич, преподаватель физкультуры.

Иван Кузьмич, молодой, по-физкультурному крепкий и стройный, пришел с небольшим опозданием и, усевшись на приготовленное место, сказал:

— Ну что же, все в сборе. Начнем заседание.

Сенина встала и своим тонюсеньким голосом объявила:

— Товарищи! Начинаем заседание.

И замолчала.

Иван Кузьмич тихо подсказал ей:

— Объяви повестку дня.

— Объявляю повестку дня. Первый вопрос — об утверждении плана работы комитета на вторую четверть. Второй — о комсомольцах-двоечниках и третий — о проведении школьного комсомольского собрания.

— Может, первым поставим вопрос о двоечниках? — глядя на Сенину, спросил Иван Кузьмич.

— Может, первым поставим вопрос о двоечниках? — спросила Сенина членов комитета комсомола.

Никто не возразил.

— А как будем вызывать: по одному или всех сразу? — спросила Сенина Ивана Кузьмича.

— Надо бы по одному. Но уж очень много их там в коридоре. Шумят, а в соседних классах занятия вечерней смены. И потом могут разбежаться. Давай всех сюда, комната большая. А разбирать будем по одному. Пахомов! Зови.

Пахомов, улыбаясь, вышел, и после короткой борьбы за дверь в комнату стали входить ребята и рассаживаться на стульях, стоящих по стенам.

Первым вызвали девятиклассника Дудникова. К столу подошел рыжий высокий парень. Иван Кузьмич, глядя на него, сказал:

— Ну вот, Дудников. Говорил я тебе раньше, что надо за ум вставать?

— Говорили, Иван Кузьмич.

— Ну, расскажи комитету, почему у тебя двойки.

Парень помолчал, потом равнодушно вымолвил:

— Ленился.

— Уроков дома совсем не делал?

— Почему? Делал...

— А почему же двойки?

Парень пожал плечами с таким выражением, будто он и сам не понимает, почему у него двойки.

Пауза длится довольно долго, но диалога Ивана Кузьмича с Дудниковым никто из членов комитета не нарушает.

— Что думаешь делать дальше? — спрашивает снова Иван Кузьмич.

— Учиться, — равнодушно говорит Дудников.

— Почему пуговицу до сих пор не пришил? — вдруг сердито и совсем не официально спрашивает Иван Кузьмич. — Я тебе неделю назад об этой пуговице говорил.

— Я ее в субботу пришивал.

— Плохо пришиваешь! Что, товарищи, будем с Дудниковым делать? — снова перейдя на официальный тон, спрашивает Иван Кузьмич членов комитета. И, поскольку те скромно молчат, он предлагает: — Дадим месяц срока на исправление. Смотри, Дудников, через месяц вызовем! Давай следующего! Кто там, Чуркин?

Коренастый паренек низенького роста с радостным, улыбаемым лицом подходит к столу строевым шагом. Остановившись у стола и шмыгнув носом, он с независимым видом оглядел всех членов комитета комсомола и остановил свой взгляд на шевелюре Ивана Кузьмича. Послышались хихиканье, смешки. Иван Кузьмич поглядел на Чуркина и сам, еле сдерживая смех, сердито говорит:

— Ну, ну! Брось дурака валять! Под Швейка работаешь! По каким предметам у тебя плохие оценки?

— По вашему, Иван Кузьмич.

— Знаю! А еще?

— По физике.

— И?

— И по геометрии.

— Почему двойки?

— Не учил.

— Почему?

— Так.

— А что делал дома?

— Гулял.

— Врачи прописали прогулки?

— Нет, сам.

— Послушай, Чуркин! Почему у тебя пояс всегда на животе? Сколько раз я тебе об этом говорил!

— Сползает, Иван Кузьмич,— все так же улыбаясь, говорит Чуркин и чуть-чуть подтягивает наверх пояс.

— Утреннюю зарядку делаешь?

— Как вы учили! — браво отвечает Чуркин.

Уже давно смеялись члены комитета, всеми силами стараясь как-нибудь скрыть свою несерьезность, и школьники, ожидавшие своего вызова. Иван Кузьмич и сам с трудом удерживал серьезное выражение. Наскоро определив Чуркину месячный срок для полного исправления, комитет отпустил Чуркина. Тот сел снова у стены, но Иван Кузьмич приказал ему немедленно уходить домой.

— Довольно чудить! Иди учись.

Саня, слушая, как разбирают Чуркина и Дудникова, давно перестал волноваться и смеялся вместе со всеми. Сегодня на комитете весело и совсем не страшно. Был бы Илья Львович, не очень посмеялись бы. Без него и остальные члены комитета почему-то молчат. Какой это комитет, если разговаривает один Иван Кузьмич? А на Сенину смотреть не хочется. Недаром ребята жалеют, что выбрали ее. Ну какой это секретарь? Говорит только по подсказке.

Когда вызвали к столу Саню Рябинина, всем уже надоело это разбирательство с одними и теми же вопросами и ответами. Поскольку все знали, что он хороший ученик, ему даже срока для исправления не поставили. А то, что он не давал свой табель классному руководителю и прогуливал занятия, об этом никто, кроме Витьки Пахомова, тут не знал. А Витька промолчал, ничего не сказал. Когда Саню отпустили, он на прощание моргнул ему: видишь, мол, как все хорошо обошлось!

* * *

Хорошо ли? Саня ничуть не обрадовался, что так легко проскочил на заседании комитета. Он шел домой вялый, разбитый и думал, что, может, было бы лучше, если б с ним поговорили серьезно и он рассказал бы все, о чем думает и что подозревает. А так что ж! Камень на душе остался.

Вечером, лежа в постели (он теперь даже спать стал плохо), Саня подумал, что так скверно ему никогда еще не жилось. Когда на фронте убили отца, он был маленький и ничего не понимал. А больше ничего плохого в его жизни не было. А теперь? Мать из-за него плачет, Ира фыркает, как кошка. Мария Петровна специально для него разные пословицы и поговорки говорит: «парень умом пообносился», «ученье — свет, а неученье — тьма», «кто родителей не уважает, тому счастья не видать». Слушать тошно!

С Мишкой Фроловым они не разговаривают и, встречаясь в коридоре, не здороваются. Конечно, и телевизор Саня не смотрит у Фроловых. А какие мировые передачи были в праздник! Саня не решается даже попросить у Бориса Васильевича новый том энциклопедии, недавно полученный. Даже Шельма, и та к нему не ласкается.

В школе тоже противно. То к директору, то классное собрание, то, как сегодня, комитет. А еще, говорят, и на педсовете будут разбирать. Ребята если не сторонятся его, то и дружбы не проявляют. Только Аркашка все время зовет на стадион. И Зоя... Она какая-то чудная. То сама его адъютантом и тенью обзывала, а потом на собрании, в общем-то, защищала его. Сегодня в классе спросила: «Ну, как твои дела?» — и посмотрела на него, как на маленького или на больного. Вот до чего он дожил! Его даже девчонки жалеют. А он-то в начале года собирался стать героем-отличником. От себя скрывать нечего — думал, что девчонки будут им восторгаться.

Саня видит, что и учителя его жалеют. Как-то в перемену к нему подошел старый учитель математики Петр Андреевич, положил свою тяжелую руку на плечо и сказал:

— Слышал я, Рябинин, что ты плохо стал учиться. Зачем же так? Ты умеешь думать, так подумай о себе. И о матери подумай, ведь вся ее жизнь в детях. Если сильно отстал по математике, приходи, я с тобой позанимаюсь.

Петр Андреевич, старый, больной, математику ведет в других классах, а ему, Сане, способному лентяю, предлагает помощь. Стыд!

Когда-то Саня был первым в классе по успеваемости — это в пятом и шестом классах. А теперь? Самым последним! Он гордился (и им гордились мать и сестра), что был начитанным. Последнее время он почти ничего не читает и даже газеты иной день не смотрит.

Жизнь стала скучной и неинтересной. Он добровольно превратил себя в болвана, шпаргалочника и ничтожество. Его стыдят в школе и дома, ругают, жалеют: «Ах, как ты похудел!» Никто как будто не понимает, что человека надо не жалеть, а уважать.

Уважать? А за что?

В своих мечтах Саня не раз бывал самым лучшим изобретателем, самым знатным рабочим, самым известным писателем, чемпионом мира, он совершал самые удивительные подвиги. И всегда при этом он представлял, как сам Председатель Верховного Совета под аплодисменты вручает орден или даже Золотую Звезду Героя. Ух! От такой мечты дух захватывало. И как приятно думалось о том, что все будут им гордиться:

мать, Ирка и тот же Мишка Фролов! Мария Петровна начнет рассказывать в больнице, что живет в одной квартире с тем самым Александром Рябиным...

Теперь он даже и мечтать ни о чем не смеет. А кругом такая интересная жизнь!

Что видел какой-нибудь средневековый мальчишка? Да что средневековье! Еще в начале этого века не было ни радио, ни, конечно, телевизора. А теперь? Вокруг земли летают спутники. Есть самолеты быстрее звука, есть самолеты, которые управляются по радио с земли, есть лучшие в мире электростанции. Скоро построят ракеты, которые полетят на другие планеты. С помощью невиданных машин люди пророчат землю до страшной глубины, изобретут такие скафандры или что-то еще и освоят все морские глубины. Да что там говорить! Ему, Сане, повезло, что он живет в такое время да еще в такой стране.

А он, Саня Рябинин, советский школьник, лежит без сна в постели, жалкий, испуганный, ни на что не способный. А ведь даже сейчас, ночью, многие люди трудятся, совершают подвиги. Кто-то стоит за капитанским мостиком и ведет в океане советский пароход. Кто-то сидит за штурвалом самолета и летит к Москве вместе с солнцем. Где-то в больнице хирург делает операцию, спасает жизнь человеку. На дрейфующих станциях Северного полюса и в Антарктиде работают ученые. На строительстве электростанций в ночной темноте сверкают огни электросварок. На границах стоят пограничники, прислушиваются, не пытаются ли проникнуть в нашу страну шпионы. Всем этим отважным людям хорошо: они чувствуют себя нужными, полезными, не то что он, Рябинин.

Строить, летать, путешествовать! И это не просто мечта, это все может быть, если он, Саня Рябинин, возьмется за ум.

Но кому рассказать об Игоре, о сувенирах, об истории с машинами? Как сбросить с себя этот тяжелый груз?

Глава 9

Татьяна Михайловна тихо постучала в дверь. Но в кабинете директора шел оживленный разговор, и ее стука никто не слышал. Тогда она приоткрыла дверь и заглянула. Тимофей Николаевич увидал ее.

— Входите, пожалуйста, и садитесь.

Она села на стул у стены тут же около двери.

За длинным узким столом, покрытым зеленым сукном, си-

дели учителя. Заседание педсовета еще не началось, ждали опоздавших, и каждый занимался чем хотел.

Сергей Владимирович, по близорукости низко наклонившись над столом, заполнял классный журнал. Обычно Татьяна Михайловна видела его днем, в перемены. Он казался ей крепким и молодым. А сейчас, в конце рабочего дня, она видела: лицо у него усталое, с заметными морщинками.

Учительница математики Пелагея Антоновна разговаривала с учительницей истории. Пелагея Антоновна, как всегда, сияла своей улыбкой, серебристой сединой, белоснежной блузкой, чистой, голубого цвета вязаной кофточкой и голубыми ласковыми глазами.

Учительница истории, с красивым именем Альбина — Альбина Александровна, сидит съежившись, закутанная в грубый серый платок, как будто ее пробивает озноб. Она скучная, усталая.

Красивый, стройный учитель географии Илья Львович равнодушно слушает Клавдию Ивановну, которая что-то тихо шепчет ему на ухо. Татьяне Михайловне неприятно подумалось, что Клавдия Ивановна вербует себе союзников против нее.

Старый математик Петр Андреевич, опершись на свою палку, дремал и был похож на дедушку Крылова.

За короткий срок подошли опоздавшие — последней учительница химии, как видно, из магазина, с хозяйственной сумкой, которую стыдливо засунула под стул.

— Ну что ж, начнем наше заседание, — сказал Тимофей Николаевич, постучав карандашом по столу. — Сегодня мы поговорим об итогах первой четверти, о том, как повысить успеваемость во второй четверти. Есть, как говорится, и персональный вопрос о двух «персонах» — Дичкове и Рябинине. Мать Рябинина здесь, а у Дичкова мать больна, отец не живет в Москве. Сами «герои», вероятно, дожидаются в коридоре. Начнем с этого вопроса. Предоставим слово классному руководителю девятого «Б» Клавдии Ивановне.

— Я, собственно, не знаю, что тут говорить? — пожимая плечами и неохотно поднимаясь со стула, проговорила Клавдия Ивановна. — Вероятно, уже все знают об этой истории.

— Нет уж, простите, — протестующе заявил Тимофей Николаевич. — Почему все знают? Может, знают, да не так. Вы доложите педсовету!

— Ну, ладно. В первой четверти ученики Рябинин и Дичков пропустили много занятий. Как теперь выяснилось, оба они оказались здоровыми и, попросту говоря, прогуливали. Медицинских справок они не приносили, конечно. Поскольку оба они не учились, то, естественно, у них много двоек. Но свои

табеля они мне не всегда давали, и родители были не в курсе дел своих сыновей. Обман, обман и обман. Вот так они всех, и меня и родителей, ввели в заблуждение. А еще я вот что хотела сказать. Когда мне дали этот класс, Надежда Алексеевна уверяла, что мальчишки хорошие, дисциплинированные. На самом деле это не так. Они не признают никакого авторитета, плохо ведут себя на уроках.

При этих словах историчка Альбина Александровна согласна замотала головой. Иван Кузьмич поддержал:

— Да, класс действительно недисциплинированный. Все на него жалуются.

Клавдия Ивановна, довольная поддержкой, продолжала:

— Что касается Рябина и Дичкова, то это типичная плебень, тунеядцы, о которых пишут в газетах. Учиться они не хотят, и я не понимаю, почему бы их не устроить в ремесленное училище. Такие приносят вред всей школе, развращают других. Мать Рябина пытается всю вину свалить на школу. Но сама она мало внимания уделяет детям.

Татьяна Михайловна даже вздрогнула и откинулась на спинку стула, как будто ее хлестнули по лицу. Она мало внимания уделяет детям? Только раз за всю жизнь поехала лечиться. Ведь ей только сорок лет, а у нее суставы семидесятилетней старухи, так скрутил ее ревматизм. Она все свое внимание отдает детям — своим и чужим. И вдруг такой оскорбительный упрек! Почему все молчат?

И действительно, после выступления Клавдии Ивановны наступила пауза. Почему-то молчал, опустив голову, Тимофей Николаевич. Молчали и другие. Это длилось целую минуту.

— Скажите, — обратился наконец директор к Клавдии Ивановне, — вы требовали у Дичкова и Рябина медицинские справки, когда они пропускали занятия?

— Я ведь вам, Тимофей Николаевич, об этом уже говорила.

— А сейчас скажите педагогическому совету.

— Хорошо. Однажды я спросила у Дичкова справку. Он сказал, что в начале года он представил справку о сердечном заболевании с правом пропуска занятий.

Сергей Владимирович вскинул глаза на Клавдию Ивановну.

— Вы поверили? И не узнали у школьного врача?

— Поверила. Нельзя же не верить людям!

— Ну, а у Рябина спрашивали?

— Я не помню. Кажется, и у Рябина спрашивала.

— А почему вы не требовали их табелей? — спросила Пелагея Антоновна.

— Я требовала, но они не давали. Ну, а потом я забывала. Ведь у меня немало дел.

— Скажите, Клавдия Ивановна, вы были дома у Рябинина и Дичкова?

Этот вопрос задал снова директор. Клавдия Ивановна вдруг обиделась:

— Я не понимаю, это что, допрос? Кого здесь разбирают, меня или Дичкова и Рябинина? Я не нянечка, чтоб ходить за ними по пятам да умолять: дайте табеля да, пожалуйста, идите в школу. Сколько можно! Почему вы не спрашиваете вон с матери? — Она кивнула головой в сторону Татьяны Михайловны. — И потом, какой будет у классного руководителя авторитет, если вы при родителях снимаете с него допрос, как с обвиняемого?..

Клавдия Ивановна вдруг заплакала и села, закрыв лицо. Тимофей Николаевич нахмурился.

— Вы, Клавдия Ивановна, не волнуйтесь и не горячитесь. И плакать здесь не пристало. Вы хоть и молодой, но педагог, а не капризная маменькина дочка. Мы решаем судьбы людей и должны хорошо во всем разобраться. Вот вы сказали здесь, почему, мол, не отдать провинившихся в ремесленное. Видите, как вы легко умеете расправляться! Но, во-первых, ремесленное училище — это не исправительный дом, а хорошая школа рабочей молодежи; во-вторых, вы, как видно, совсем не знаете ни Рябинина, ни Дичкова, а беретесь решать их судьбу. А что при матери Рябинина мы обо всем говорим, — тоже ничего. Она сама педагог. Да и вообще, почему нам вести закрытые педсоветы? Итак, я прошу вас ответить: были вы дома у Дичкова и Рябинина?

— Нет.

Тимофей Николаевич обратился к Татьяне Михайловне:

— Вы хотите что-нибудь сказать?

Она встала, бледная, взволнованная до последней степени: руки дрожали, в горле пересохло.

— Я, конечно, виновата, что уехала в санаторий. Но теперь бесполезно казнить себя. Надо как-то поправить беду. Но я не знаю, как поправить. Хотя я сама и педагог, но чувствую, что потеряла... ну, способность, что ли, или возможность влиять на сына. Он со мной не считается. Я очень прошу всех вас: помогите, не дайте упасть человеку. Надо поддержать его сейчас. Я ведь одна... Мне сейчас трудно говорить, я думаю, и так все ясно.

Татьяна Михайловна села на свое место. Если б она обвинила педагогов или оправдывала, выгораживала своего сына, как делают многие родители, может быть, сидящие здесь педагоги остались бы равнодушными. Но перед ними стояла женщина с большими скорбными материнскими глазами, худень-

кая, усталая, измученная беспокойством за сына, просила их и, главное, верила, что они ей помогут. И каждому захотелось помочь. Первым откликнулся старый учитель Петр Андреевич:

— Рябинин всегда был хорошим парнишкой. Что с ним случилось? Конечно, надо помочь. Взрослых воспитывают, а эти, что ж, дети еще! Пройдет несколько лет, сами скажут: «Дураками были!» Что, впервые нам это! Хочу воспользоваться случаем и сказать о том, что давно уже на уме. Вот говорят о ребятах, что они «бродили по улицам, ходили в кино». Это вместе занятий. Бродят многие ребятки и будут бродить, если присмотра за ними не будет. Знаете, как в старое время было? Мы, учителя, дежурили на улице, следили за своими гимназистами. Мы все ругаем старую школу, а кое-что надо бы вспомнить, а может быть, и перенять. Но сделать по-своему, лучше. У нас воспитание общественное. А общество — это не только школа и семья, это и улица и дворики, где ребята проводят уйму времени. Вот я и думаю: взять бы эти улицы и дворики под контроль комсомольцев, учителей, пенсионеров. Знаете, мы бы куда меньше имели человеческих потерь!

— Может, позовем самих «героев»? — спросил Тимофей Николаевич.

— Я бы, Тимофей Николаевич, подождал немного, — сказал Сергей Владимирович. — Давайте сами разберемся в этой истории. Разрешите мне сказать.

— Пожалуйста!

— Вы, Клавдия Ивановна, меня извините, — начал Сергей Владимирович, — но я буду говорить откровенно. Скажу прямо: вы во многом виноваты. Ученики пропускают занятия, а вы не устанавливаете причины. Двоечники не дают табелей — вы не настаиваете. Так не годится. Вот вы тут сказали: «Я не нянька, сколько можно возиться!» Надо «возиться». Столько, сколько нужно. Всегда, всю жизнь. Мы воспитываем людей, и мы за это несем ответственность перед народом. Простите, но мне неловко было вас слушать. Неверно, плохо вы говорили.

Во-первых, хочу сказать о «тунеядцах», к которым Клавдия Ивановна причислила Дичкова и Рябинина. Конечно, у нас много неполадок с воспитанием. Правильно Петр Андреевич про улицы и дворики сказал. Но нельзя сразу приклеивать ярлыки то «плесени», то «тунеядцев». Это опрометчиво. Судите сами, через наши руки прошли тысячи ребят. А вспомните, много ли «плесени» было? Много ли ребят мы исключили из школы или даже переводили в другие школы? Ну одного, двух за год из тысячи. А сколько хороших ребят? Ведь у нас замечательная молодежь! Она много работает, много учится. Правда, ребята теперь трудные, немало больных, нервных...

— То, что вы говорите, всем давно известные истины. Я не понимаю, какое это имеет отношение,— вклинилась вдруг Клавдия Ивановна.

Сергей Владимирович побледнел от негодования.

— Прямое отношение и к разбираемому вопросу и к нам лично. У Рябина нет отца, он погиб на фронте, когда мальчику не было и года. Мать одна вырастила детей, и у нее подорванное здоровье. Вы с этой истиной посчитались? Нет. У нас учатся сотни детей, осиротевших в войну. И немало детей, брошенных отцами или с прочерками в метриках. Вот почему я так говорю. Нам нельзя о таких вещах забывать. Так вот, в отношении Рябина словечко «плесень» не к месту. Он парень честный, способный, скажу больше, одаренный. Таких надо беречь. Что касается Дичкова — я его мало знаю, но мне он представляется позером и неискренним человеком. Я много раз спесь с него сбивал. Но, может, кто-то лучше его знает, чем я?

— Дичкова никто хорошо не знает,— сказал Тимофей Николаевич.— Он когда-то учился в соседней школе, потом год пробыл в мореходном училище, его отчислили там по неуспеваемости. У Дичкова неблагополучная семья. Мать тяжело больна, отец с ними не живет. Рябинин остался без отца в войну, а Дичков рос сиротой при живом отце. Я этого отца видел осенью. Он сам привел к нам Игоря, просил быть строже и, если что, писать ему в Одессу. Я уже написал, пусть подумает о сыне.

— Тимофей Николаевич! — сказал преподаватель физкультуры Иван Кузьмич.— Я сейчас выходил в коридор, там только Рябинин. Дичкова нет. Он и на занятиях не был.

Слова попросила Пелагея Антоновна

— Я вот что предложу. Поручите нам с Сергеем Владимировичем разобраться во всем. А на следующем педсовете мы этот вопрос снова поставим, если будет нужно.

* * *

Саня уже целый час стоит один в пустом коридоре. Он смотрит в окно. На улице сыро, зябко. Идет мокрый, липкий снег. На антенне соседнего дома уселись взъерошенные воробьи.

Ночью, когда Саня принял твердое решение начать хорошую жизнь, ему казалось, что это легко осуществить. А утром он проснулся вялый, усталый. Мать рано ушла на работу. Они с Ирой молча попили чай с бутербродом и пошли в школу. Хорошо, что в этот день его не спрашивали ни по одному предмету. Иначе он нахватал бы двоек. В голове каша какая-то.

А тут еще педсовет! Ну что им надо? Написал же Саня объяснение директору и обещал, что будет учиться. Чего еще

надо? Начнут снова читать нотации и стыдить. Знали бы они, что сейчас мучает Саню. А вдруг Клавдия Ивановна расскажет про жевательную резинку? А этот гад Дичков сбежал. Оставил его одного расхлебывать кашу.

Но он ничего им не скажет. Пусть что хотят с ним, то и делают.

Когда открылась дверь кабинета директора, Саня сильно вздрогнул и оглянулся. Это была мать. Татьяна Михайловна подошла к нему и сказала:

— Пойдем, сынок, домой. Отложили до следующего педсовета.

Сказала ласково, нежно, как будто никогда между ними не было неприятностей. И Саня вдруг почувствовал, что вот-вот зарыдает. Отчего это?

Они направились к лестнице, но дверь кабинета снова открылась, и вышел Сергей Владимирович.

— Рябинин! Подожди минутку. Вы,—сказал он Татьяне Михайловне,—идите. Он скоро придет домой.

И, поглядев на Саню, сказал:

— Пойдем ну хоть в этот класс. Поговорим.

* * *

Как это случилось, Саня потом сам удивлялся, но он все рассказал Сергею Владимировичу. И не настаивал тот, не пытался, не стыдил. Начал с ним разговаривать запросто, как товарищ, как человек, который по-настоящему огорчен неприятностями друга. И Саня все ему рассказал, все, что его мучило и угнетало последнее время. И когда кончил говорить, вдруг почувствовал, что ему стало легко. Что будет дальше, он не знал, но чувствовал, что хуже, чем было в эти дни, ему не будет.

Сергей Владимирович, глядя внимательно и по-доброму на Саню, спросил:

— Ты мне все откровенно рассказал? Ничего не скрыл? Ты ведь знаешь, я секретарь партийной организации школы. Могу я поручиться своей честью — партийной, советской,— что все было именно так?

— Можете. Все сказал.

И тут Саня вдруг зарыдал. Об этом ему неловко даже вспоминать. Мужчина, взрослый человек, и вдруг заревел. Как маленький какой!

Сергей Владимирович положил на его плечо руку.

— Ничего. Ты ни о чем больше не думай. Положись на меня. Теперь ко мне перешла твоя тяжесть. А я должен хорошо

с ней справиться. Иди домой, Рябинин, и занимайся. Мать свою успокой. Хорошая она у тебя. Береги ее.

Когда Саня пришел домой, Татьяна Михайловна, посмотрев на его бледное лицо, покрасневшие глаза, поняла, что он находится в какой-то крайней степени напряжения. Она не стала ни о чем его спрашивать. А он сказал ей:

— Мамуля! Я не хочу ничего есть. Ты не думай, что я заболел, я ел в школе бутерброды. Я спать хочу.

Было всего семь часов вечера, а он разделся, лег в постель к стенке носом и затих.

Татьяна Михайловна погасила верхний свет, закрыла газетой настольную лампу и вышла из комнаты.

Кажется, беда уходит. Хоть Саня ничего ей не рассказал, но говорил он с ней так мягко и нежно, как это было раньше. Конечно, ничего, кроме хорошего, и не могло быть после разговора с Сергеем Владимировичем. Замечательный человек! Да и все учителя отнеслись к ней участливо. Все будет хорошо.

А где Ира? За это время мать все внимание отдала Сане. Как бы дочка не наделала каких-нибудь глупостей. Вон Нюра Федотова — росла тихой, скромной. А сейчас Анна Павловна извелась с ней. Гуляет допоздна, ничего не делает и на всякое замечание дерзостью отвечает. Где и когда прозевали человека?

Татьяна Михайловна сидит в кухне. Она не хочет входить в комнату, пусть Саня заснет спокойно. Она дождетсЯ Иру. Если ту не предупредить, ворвется с шумом и разбудит сына.

Глава 10

Если у человека спокойно на душе, то и работа спорится и окружающие люди становятся приятными. Так было и с Татьяной Михайловной. Когда на другой день после педсовета она пришла на работу, то, глядя на детишек с нежностью, подумала: «Милые вы мои малыши! Как, наверное, вам было скучно все эти дни, когда я распустила нюни!» И в самом деле, сегодня ее дети были оживленными, веселыми, смешливыми и озорными.

Все у нее ладилось в этот день. Она хорошо провела с детьми лепку и рисование, охотно заполнила дневник и, кончив дежурство, со спокойной душой пошла домой.

Входную дверь квартиры Татьяна Михайловна открыла своим ключом и, войдя в коридор, удивилась. Вешалка была переполнена чужими пальто. Из ее комнаты доносились веселые голоса. Что такое?

Саня лежал в постели, а кругом на стульях, на кровати расселись одноклассники и вместе с ними Ира.

— Что такое? Ты болен? — с испугом спросила Татьяна Михайловна Саню.

— Мамочка, не пугайся! — затараторила Ира. — Санька в школу ходил, но у него температура, и его отпустили. А ребята пришли навестить. А у Сани сейчас тридцать семь и пять. У него ничего особенного, только горло.

— Вероятно, ангина. Вы, ребята, подальше от него сядьте.

— Ничего, ничего, не заразимся! — на все голоса запротестовали ребята.

Один паренек, сделав скорбное лицо, с сожалением сказал:

— Не заразимся... Не каждому так повезет, как Саньке. Теперь на целую неделю его от школы освободят.

Все громко и весело, в том числе и больной, засмеялись.

Что же все-таки произошло? Почему столько ребят? Это хорошо, конечно, Татьяна Михайловна рада, что к Сане пришли товарищи. Но почему так много? Никогда еще не было такого нашествия. Но спросить ведь неудобно, и лучше ей уйти, не мешать здесь. Она так и сделала: взяла немытые чашки со стола и ушла на кухню.

Саня и сам удивился, что к нему нагрянуло столько товарищей. Знал бы он, не валялся бы в постели в одних трусах. Неудобно, пришли не только ребята, но и девочки и Зоя...

Вот она и говорит сейчас:

— Ну, ребята, скажем Сане главную новость?

— Конечно, скажем! — поддержали все.

...Саня ушел из школы после второго урока, на большой перемене. Третий урок был английский. Пришел Сергей Владимирович и вместо того, чтоб начать урок, заявил:

— С нынешнего дня я ваш классный руководитель.

Все так и раскрыли рты. Сергей Владимирович — секретарь парторганизации, у него очень много общественной работы, и вдруг классный руководитель. Да еще среди года.

А Сергей Владимирович, лукаво поглядывая на удивленные лица ребят, еще раз подтвердил:

— Да, да. Удивлены? Я вам объясню. Клавдии Ивановне трудно вести ваш класс. Вы ей не очень помогали, а она молодая учительница, и у нее много часов по литературе. Я добровольно согласился взять ваш класс. Но, если вы не будете мне помогать, и я сбегу. Кто дежурный?

Аркаша поднялся с парты.

— Кто отсутствует?

Аркаша сказал, что нет Дичкова и Рябина.

— А что с ними?

— Дичков давно не ходит. Что с ним, неизвестно. А Рябинин был сегодня и ушел. Наверное, заболел.

— А наверняка не знаете? Надо сходить к ним домой, узнать, в чем дело. К Дичкову я сегодня сам пойду, а к Рябинину — кто-нибудь из вас. Договорились?

После уроков стали спорить, кому идти к Сане. И решили идти всем, кто хочет.

Татьяна Михайловна два раза входила в комнату, делая вид, что ей необходимы какие-то вещи. И, пожалуй, она больше всех была потрясена новостью. Значит, вчера на педсовете снова вернулись к ее вопросу, после того как Сергей Владимирович поговорил с Саней. Клавдию Ивановну отстранили от работы классного руководителя, и теперь Сергей Владимирович. Что за разговор был у него с сыном?

Новость поразила и Саню. Он подумал, что, видно, большое значение придали его словам Сергей Владимирович, если сам стал их классным руководителем. Вероятно, вся история, случившаяся с ним и Дичковым, серьезнее, чем думал об этом Саня.

Ребята были удивлены, что Саня, услышав новость, стал вдруг серьезным и скучным.

— У тебя высокая температура? Болит горло? — заботливо спросила Зоя.

— Пошли, ребята, домой! Пусть Саня отдыхает.

* * *

У Сани действительно оказалась ангина. Татьяна Михайловна заставляла его пить лекарство, полоскать горло, есть лимон. Уходя на работу, она просила Марию Петровну, если та была свободна от дежурства, почаще заходить к Сане: может, мальчику что-нибудь понадобится.

— Уж иди, иди, пригляжу, — отвечала Мария Петровна. — Правду говорят, что материнское сердце в детках, а детское — в камне. Он тебе душу вымотал, нагрубил, учиться перестал, а ты, чуть он захворал, сразу растаяла. Вот так жила у нас в деревне вдова одна. Сын у нее рос глупый да озорной. Один раз мать чем-то ему не угодила, он выхватил из печки огненное полено да на нее. Баба выбежала из дому, сын за ней. Она оглянулась назад и кричит: «Сынок, брось головешку, руку пожжешь». Вот какие вы, матери...

— Ну полно, Мария Петровна, ведь больной он.

— Уж такой больной! Температура небольшая. Ну, да ладно, иди. Зайду к нему. Он мне худого ничего не сделал. А потолковать с Саней я сама люблю. Мы с ним все спорим о жизни.

Кроме Марии Петровны, к Сане часто заходил Миша Фролов. Пришел однажды за учебником, заговорил, и они снова стали друзьями, как будто не было между ними никаких недопониманий. Мишка всегда приводил с собой Шельму. Та прыгала к Сане на кровать и укладывалась отдыхать. Зинаида Ивановна, конечно, знала, где Шельма, но молчала почему-то. Приходили из школы Аркаша, Зоя, Витька Пахомов. Приносили задания и вместе занимались.

В общем, не так-то уж плохо похворать иногда.

Глава 11

Комсомольское собрание проходило в большом зале. Доклад о роли комсомола в учебно-воспитательной работе школы делала завуч школы Надежда Алексеевна. Она привела цифры и факты, подтверждающие достижения школы в повышении успеваемости и недостатки в работе. Надежда Алексеевна поименно назвала многих отличников-комсомольцев, зачитала список тех, кто получил плохие отметки в прошлой четверти.

Казалось, все было правильно в этом докладе. Но то ли потому, что Надежда Алексеевна была плохим оратором, или потому, что в ее докладе не было того волнения, душевного горения, которое поневоле захватывает аудиторию, в зале, пока она говорила, стоял сплошной гул. Председатель собрания несколько раз звонил и призывал к порядку.

Идя на собрание, Саня боялся, что его назовут в числе неуспевающих. Но в перечне, который привела Надежда Алексеевна, он сам еле уловил свою фамилию.

Вслед за завучем выступил комсорг девятого «А» Миша Фролов. Он рассказывал, как в их классе организована помощь отстающим. К больным ходят домой, ленивых оставляют в классе. Очень интересную стенгазету выпускают. Миша зачитал собранию сатирические стихи, которые сочинили ребята их класса о двоечниках. Все в зале смеялись и потом аплодировали Мишке.

«Вот кому надо быть секретарем комитета комсомола», — думал Саня о своем друге.

Слова попросил Сергей Владимирович. Он, сказав о важном значении вопроса, поставленного на комсомольском собрании школы, убежденно заявил, что без комсомольцев, без них, сидящих в зале, силами одних учителей нельзя выполнить великих задач коммунистического воспитания.

Сергей Владимирович говорил четко, лаконично, неторопливо, как будто диктовал, и все сказанное им казалось значи-

тельным и важным. Некоторые факты и цифры, которые привела Надежда Алексеевна, он повторил и дал им такую оценку и такое значительное толкование, что всем стало жалко, почему плохо слушали доклад.

— Сегодня, — говорил Сергей Владимирович, — у нас стоит вопрос не только об учебной работе, но и о воспитательной. Все ли у нас в порядке? Не слишком ли мы успокоились, убаюкивая себя тем, что каждый хочет быть строителем коммунизма? Мы часто говорим отдельно об учебной работе, о производственной и о воспитательной. Пятерки и двойки — учебные дела. Беседы, стенгазеты, экскурсии, вечера — воспитательная работа. В мастерских и на заводе — производственная. А ведь обычно это неразделимо. Конечно, иногда школьник отстает в учебе по болезни или по каким-то особым семейным обстоятельствам. Но чаще всего двойки появляются там, где хозяйничает над человеком матушка-лень. Ведь правда? И в таком случае чем хуже учится человек, тем хуже и его поведение: недоразумения с учителями, дерзости и скандалы с родителями. А когда мы на все это не обращаем достаточного внимания, вовремя не помогаем человеку, то он совсем с пути сбивается. Вот послушайте такую историю. Этой осенью в девятом «Б» появился новый ученик Игорь Дичков. Учился плохо, пропускал занятия, а никто по-серьезному не вник в это дело: ни мы, учителя, ни комсомольцы, ни одноклассники. Оказалось, что парень с серьезной червоточиной. Все, чем живем мы, грешные, все, что увлекает вас, советских ребят, Игорю Дичкову казалось скучным и неинтересным. Он все критиковал и высмеивал. А чем сам занимался? Бездельничал, развлекался хулиганскими проделками и делал множество попыток завязать знакомство с иностранцами, приставал к ним, льстил, восхищался всем, что им принадлежало. С одним иностранцем он завязал знакомство, несколько раз встречался и получил в качестве «сувениров» галстук, носки, жевательную резинку и какие-то еще мелочи. Потом он узнал телефон одного посольства, звонил туда, вызывал на свидание и выпрашивал «сувениры».

У Сани так стучало сердце, что он боялся, как бы в при тихшем зале этот стук не услышали сидящие с ним ребята. Какой ужас, какой позор! И какой он олух, разиня: не понимал, какого «друга» отыскал!

Сергей Владимирович продолжал:

— Дичков недолго учился в нашей школе. Но разве это нас оправдывает? Проглядели мы это дело. Не герои мы! А ведь он пытался втянуть в свои авантюры наших хороших ребят. К чести их будет сказано, они не поддались.

В зале поднялся гул, шум, раздались возмущенные голоса. Сергей Владимирович поднял руку, призывая к порядку.

— Я слышу вопрос из зала: здесь ли Дичков? Нет. Дичков уехал из Москвы к отцу, который с семьей не жил, но теперь вынужден был взять к себе сына. Дело в том, что на днях умерла мать Дичкова. Кто знает, будь Дичков хорошим сыном, может быть, и жила бы еще его мать. Может, огорчения ускорили развязку? Я заканчиваю. Думаю, что Дичков получил тяжелый урок, и надеюсь, он сделает для себя выводы. Пусть эта история будет уроком всем нам. Надо вовремя оберегать друг друга от ошибок.

После Сергея Владимировича многие ребята подняли руки, желая выступить. И тем, кому дали слово, без бумажек, без предварительной подготовки находили яркие и точные слова, чтобы передать свое отношение к поступкам Дичкова. Они строго его судили, строже, чем Сергей Владимирович. Они обвиняли Дичкова, но при этом они безжалостно критиковали себя, свою комсомольскую организацию.

Сергей Владимирович слушал выступавших комсомольцев, с удовлетворением думая о том, что вот здесь, у них в школе, вырастают хорошие, горячие люди, настоящие патриоты. И правильно, что он рассказал комсомольскому собранию о Дичкове. Пусть не растут люди благодушными, пусть строже оценивают свои поступки и поступки своих товарищей.

* * *

Для Сани Рябина этот урок был очень тяжелым. Его не назвали на комсомольском собрании, но сам он чувствовал себя виноватым. Он был доволен тем, что мать ничего не знала о Дичкове и о комсомольском собрании. Когда это собрание прошло, Саня уже прилично учился, и мать не ходила в школу. Но Татьяна Михайловна в конце концов узнала. И рассказал ей обо всем сам директор.

— Вот в какой компании сказался ваш сын! — говорил Тимофей Николаевич. — Но он все-таки молодец. Парнишка оказался с чистой совестью. Чувствовал свою ответственность.

Видя, что Татьяна Михайловна онемела от запоздалого испуга, он начал ее успокаивать:

— Да вы не волнуйтесь. Ведь все уже позади. Теперь ваш сын закаленный. Помните, Макаренко говорил, что каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию, что надо не только оберегать от вредного влияния, но, главное, учить сопротивляться этому влиянию. В самом деле, уберечь бывает невозможно. Худое влияние и при коммунизме

может быть. Да не только влияние. В молодости много делается неразумного, и воспитывать детей надо во все времена и эпохи. Вы, Татьяна Михайловна, правильно поступили, что не стали скрывать проступки сына. По сути дела, вы первая начали распутывать узел. Затянулся он потуже — неизвестно, чем бы все кончилось. Может, и не удалось бы нам самим развязать его. Другим людям пришлось бы заниматься этим. Дело прошлое — мы тоже виноваты: недоглядел классный руководитель, я не поставил Дичкова под контроль, хотя и знал, что парень он скользкий и дома у него не все в порядке. Да и комсомольская организация все проворонила. Урок один: за ребятами надо всем внимательно смотреть. Пока человек не вырастет, с него нельзя глаз спускать!

* * *

Когда Саня и Ира были совсем маленькие, Татьяна Михайловна думала: подрастут дети, пойдут в школу, ей станет легче. Теперь на своем опыте она убедилась, что с большими детьми забот не меньше, чем с маленькими, и трудно сказать, какие заботы тяжелее.

За эти два с половиной месяца сна измучилась с Саней. А что впереди? Потечет ли жизнь спокойно, или придется еще хлебнуть горя?

Дети должны стать настоящими людьми, с образованием и профессией. Без этого она не может считать выполненным свой материнский долг. Хватит ли у нее сил и здоровья, чтобы довести их до самостоятельной жизни? А разве тогда она успокоится? Нет, будет все равно тревожиться за них: как работают, как одеты, с кем дружат. Потом, когда женится Саня, выйдет замуж Ира, у Татьяны Михайловны появятся иные заботы. Улыбаясь, она думает, что, наверное, ей, как другим матерям, будет казаться, что невестка плохо заботится о Сане, что зять мало помогает Ире по хозяйству, что все они не умеют воспитывать своих детей: слишком строги и невнимательны с ее внуками.

Глядя на сына, Татьяна Михайловна каждый раз поневоле вспоминает мужа. Саня — живой его портрет. Пусть только счастья побольше выпадет на его долю! Пусть будут счастливы все дети, хлебнувшие горя еще с войны. Их, выросших без отцов, — миллионы.

Татьяна Михайловна много и по-разумному думает о жизни, будучем своих детей. О самой себе, отдельно от них, она никогда не думала. Недаром говорят, что материнское сердце живет до гроба.

Ценят ли это выросшие дети?..

Мария Андреевна Белахова
СЫН

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 02026. Подписано к печати 31/VII 1965 г. Тираж 95 200. Изд. № 1504.

**Зак. 1540. Форм. бум. 70 × 108¹/₃₂. Физ. печ л. 2. Условн. печ. л. 2,74.
Цена 8 коп.**

**Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.**

Библиотека «ОГОНЕК»

1965 год

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- № 1. Ярослав СМЕЛЯКОВ. Аленушка. Стихи разных лет.
- № 2. Вадим КОЖЕВНИКОВ. Две жизни. Рассказы.
- № 3. Юрий БАРАБАШ. «За» и «против». Полемические заметки.
- № 4. Андре СТИЛЬ. Он без ума от масла. Рассказы. Перевод с французского.
- № 5. Сергей НАРОВЧАТОВ. Пес, девчонка и поэт. Стихи.
- № 6. Михаил АЛЕКСЕЕВ. Журавушка.
- № 7. С. КОНЕНКОВ. Наши заботы.
- № 8. Илья СЕЛЬВИНСКИЙ. Влюбленные не умирают.
- № 9. Мицос АЛЕКСАНДРОПУЛОС. Суд. Рассказы. Перевод с греческого.
- № 10. Борис ЗУБАВИН. Кольцо. Повесть.
- № 11. Юстас ПАЛЕЦКИС. Миллионы сердец. Стихи. Перевод с литовского.
- № 12. Ярослав ГАШЕК. Душенька Ярослава Гашека рассказывает. Перевод с чешского.

Библиотека «ОГОНЕК»
1965 год

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- № 13 Игорь ДОЛГОПОЛОВ. Незнакомый Домье.
- № 14. Лебедь белый и лебедь черный — дружат!
Стихи молодых поэтов Африки.
- № 15. Владимир ПАВЛОВ. Взрыв.
- № 16. Фахри ЭРДИНЧ. Оскорбление. Рассказы.
Перевод с турецкого.
- № 17. И. ВАСИЛЕНКО. План жизни. Рассказы.
- № 18. Владимир САНГИ. Встречи. Рассказы.
- № 19. Сергей ВАСИЛЬЕВ. Заграница. Стихи.
- № 20. Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ. Синеборье.
- № 21. Сергей ВОРОНИН. Серебряное пятно. Рассказы.
- № 22. Антанас ВЕНЦЛОВА. Ты знаешь край...
Итальянские стихи. Перевод с литовского.
- № 23. Георгий ГУЛИА. Как пишутся рассказы.
- № 24. Юрий ЗУБКОВ. Судьбы актерские.
- № 25. Майя РУМЯНЦЕВА. Чайка. Стихи.
- № 26. Джордж Бернард ШОУ. Дон Жуан дает
объяснения. Перевод с английского.
- № 27. Кайсын КУЛИЕВ. Завещанный мир. Стихи.
Перевод с балкарского.